

07.11.2024

Konverents „Õigeusukirik Eestis – iseseisvus: arenguvõimalused, riskid, tagajärjed”

Конференция «Православная Церковь в Эстонии – независимость: возможности развития, риски, последствия»

Konverentsi kristlike konfessioonide esindajate, riigi-, poliitiliste ja ühiskonnategelaste ümarlaud

Videosalvestus:

https://www.youtube.com/watch?v=kWtFH4OayYw&t=9517s&ab_channel=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%BC

Круглый стол докладчиков конференции, представителей христианских конфессий и государства

Видеозапись:

https://www.youtube.com/watch?v=-JA6AeSuMA&t=3866s&ab_channel=%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BE%D1%81%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%BC

Расшифровка видеозаписи круглого стола публикуется без редактирования, за исключением купирования сообщений, комментариев, не относящихся непосредственно к выступлениям, слов-паразитов, повторов и других, препятствующих восприятию содержания фрагментов. Пропуски, как правило, указываются многоточием в угловых скобках: <...>. Поясняющие слова и переформулированные ради ясности смысла фрагменты текста указаны в квадратных скобках: [...]. Незначительные пропуски лишних, а потому препятствующих восприятию содержания, слов не указываются. При желании удостовериться в соответствии настоящего текста выступлениям участников, его всегда можно сравнить с видеозаписью.

Мы сочли нецелесообразным публиковать выступления руководителей секций на круглом столе, поскольку они представляют собой краткое содержание докладов, полностью опубликованных в настоящем сборнике.

Председатель протоиерей Игорь Прекуп (И.П.). [Дискуссия] <...> по докладам, т.е. по существу докладов. По всем остальным вопросам, связанным с конференцией, уже на другом круге. Сейчас только по докладам. И, как я вам сказал, от владыки Стефана поступил вопрос. Я думаю, что все-таки мы его тоже отложим на после того, как обсудим доклады. Или есть другое возражение какое-нибудь? [Неразб.] Ну, хорошо, но в любом случае дискуссии по словам владыки Стефана не будет, я просто отвечу кратко, и мы тогда перейдем дальше. Значит, вопрос прозвучал так...

Модератор Илья Бань (И.Б.). Этот вопрос прозвучал так: „Seel konverentsil puuduvad kirikuajaloo ja kanoonilise õiguse spetsialistid. Kas see on korraldajate teadlik valik, või tehti katset kedagi kutsuda?“¹

И.П. Я начну с чего: во-первых, вопрос, вот если бы задал его не владыка Стефан, то этот вопрос пошел бы в корзину, потому что это называется «переход на личности». Если есть возражения по существу, если кто-то в чем-то был неправ, пожалуйста, возражайте и так далее. А начинать сомневаться в компетентности тех людей, которых мы пригласили, ну, это некорректно. Это раз. Второе: отвечаю прямо: да, мы собирались пригласить и других специалистов. У нас даже поначалу планировалась секция по каноническому праву и экклесиологии, но по объективным причинам это не получилось, потому что все те люди, которых мы приглашали из разных стран, они очень высоко сидят, видимо, их начальство не захотело ввязываться в наши проблемы. Поэтому их просто не отпустили. Но это ничего не значит, поскольку, во-первых, наша конференция – не конференция по каноническому праву. Она касается гражданского права, прав человека, и вот специалистов в этой области у нас здесь предостаточно, в том числе <...> отец Жан Гейт. Сегодня выступала профессор Мюнстерского университета доктор Регина Эльснер <...> тоже человек с непререкаемым статусом, так что жаловаться особо нам не на что. <...> Опять же Николай Тон: уж кто разбирается в каноническом праве, так это он. Более того: он в этом плане уважаем, в том числе и со стороны

¹ На самом деле, с этим письменным вопросом по Интернету обратился священник ЭАПЦ Стефан, который, по недоразумению, был принят за главу ЭАПЦ митрополита Стефана (Хараламбидиса).

Константинопольского Патриархата. Но в любом случае – у нас упор не на каноническое право. Если есть, в чем нас упрекнуть, если мы где-то что-то передернули или в чем-то ошиблись, мы бы с радостью выслушали. Более того, мы именно для этого Вас приглашали, как и других глав Церквей, членов Совета Церквей. Но... К сожалению, Вы не захотели. Хотя мы очень надеялись, что Вы примете участие в конференции, если не с докладом, поскольку Вы отказались сотрудничать в ответ на предложение владыки Евгения, но мы не предлагали Вам доклад, мы хотя бы Вас просили участвовать в конференции в качестве гостя и затем надеялись, что Вы примете участие в круглом столе и там выскажете свои мысли насчет того, как нам лучше обустроить нашу Церковь. Но, в общем, к сожалению, эта встреча проходит без Вашего непосредственного участия, но мы очень надеемся, что это далеко не последняя встреча и что мы все-таки начнем встречаться с достаточной регулярностью. И вот Николай Митрохин хотел меня дополнить в чем-то или опровергнуть.

Николай Митрохин (Н.М.). Да, я хотел сказать, что у меня есть публикации по церковной истории. Если владыке захочется со мной их обсудить, я бы с удовольствием это сделал.

И.П. Спасибо. Ну да, что касается церковной истории, как раз у нас специалист тоже достаточно достойный и весомый. <...> Сейчас мы начнем дискуссию по докладам, особенно если у кого-то есть, в чем дополнить докладчиков, уточнить что-то или поправить. <...>

Ülempreester Toomas Hirvoja (Т.Н.). <...> Küsimus Sergei Tšurkinile seoses Veiko Vihuri ettekandega. Seal kõlas mõte, et Eesti põhiseaduses on kirik riigist lahutatud. Minu arusaamise järgi oli Nõukogude Liidus kirik riigist lahutatud. Eesti konstitutsioonis sellist väljendit ei peaks olema. On väljend, et Eestis ei ole riigikirikut, mis on hoopis teine tähendus, aga just see, et nii palju ma ise kahjuks ei kuulnud, aga Veiko Vihuri arusaam, et kirik on ju riigi osa mingis mõttes, just oma kodanike kaudu. Sisuliselt ei ole kirik ja riik lahutatud, see on bolševike arusaam, mitte Eesti konstitutsiooni arusaam.

Адвокат Сергей Чуркин (С.Ч.). Я бы сказал таким образом, что на самом деле Вы правы: то есть это нигде не записано, и это подразумевается именно как раскрытие понятия того, что в государстве нет государственной Церкви. О том, что это означает, то, что приводились вот в других докладах для примера. То, что там, где есть государственная Церковь, там государство имеет право предписывать этой Церкви что-то. Или, например, как в Греческой: там даже выплачивается зарплата священникам. И со своей стороны, государство тогда

может требовать от Церкви тоже определенного поведения. Как приводились, по-моему, у нас там тоже примеры того, как поступают в Дании, например, да – однополые браки и тому подобное. В этом смысле говорилось о разделении. То, что вы говорите о том, как написано в Основном законе, то, конечно, Вы правы.

И.П. <...> Насколько я знаю, отец Иоанн Гейт хотел дополнить свой доклад вчерашний. <...> Мне кажется, Вы вчера чего-то не успели договорить, и, может быть, это сейчас было бы очень уместно именно в рамках обсуждения докладов.

Протопресвитер Иоанн Гейт (И.Г.). Слушайте, отец Игорь, я отвечу на Ваш личный вопрос, который Вы мне задавали позавчера, и надеялись, что я на него отвечу. Значит, я сперва это сделаю. А вопрос был следующий: отец Игорь меня спрашивает, что когда Константинополь отказался от нашей Архиепископии, то есть, значит, в 1918² году, как потом дело произошло. В тот момент, когда Патриарх дал знать нашему архиепископу, что он распускает Архиепископию, то могу рассказать конкретно, как это произошло вообще на месте: архиепископ должен был поехать в Константинополь, просто чтобы рассказать, дать отчет о жизни Архиепископии. Он спокойно приехал. На месте ждал там сутки, никто им не занимался, и на следующий день после приезда его вызывает, значит, Патриарх в свой кабинет и просто так, спокойно говорит: «Владыка, я распускаю Архиепископию». Владыка, конечно, скажем, обалдел: «А что со мной?» – «А Вы будете викарным митрополита Эммануила». Ну, Владыка ушел, хлопнул дверью просто. И... большой-большой шок, очень сильный, большой шок. Но с этим он вернулся, и это стало шоком для всей Архиепископии, очень большим.

Мы жили всегда спокойно, и Константинополь нам давал, так сказать, гарантию уже почти 90 лет, на самом деле. И причем в 1999-м году, как я рассказывал, [неразб.] что временным был этот статус, то теперь этот статус стал постоянным статусом. И вот из-за этого совершенно неожиданного поступка, который мы, в общем, и не понимаем, на самом деле, почему это произошло; может быть, личные соображения у меня есть, но официально никакого объяснения нет, нежели чтобы это было во имя воссоединения и единства православия вообще, скажем, у нас. Какое там единство православия? Все равно во Франции, в Европе другие юрисдикции, которые никак Константинополь не мог объединить. Они жили надеждой, что как раз рано или поздно он всех объединит в перспективе, так сказать, своего первенства, об этом немножко говорилось. Вот это один

² Случайная оговорка. О. Иоанн имеет в виду события 2018 г.

пункт, из которых я мог рассказать, как Вы надеялись. Может, потом будет еще второй пункт, я сейчас не припоминаю.

И.Б. <...> Вопрос по сути докладов двух секций, доклады мы только что услышали.

Священник Игорь Гаврильчик (И.Г.2). Поскольку я участвовал в работе второй секции, у меня один вопрос вот к первой секции по поводу православия, два вопроса. Может быть, поочередно: первый вопрос просто такой чисто технический. Латвийское православие и эстонское православие – там статус отличается вот сейчас этих двух Церквей? Это просто первый такой технический вопрос.

Епископ Даниил (Е.Д.). В данный момент статус Латвийской Церкви, как вчера был разговор, что там Закон о Латвийской Церкви (был специальный закон в государстве, принятый соответственно Латвийским сеймом), и Латвийский сейм принял закон (или исправления или поправки к закону), по которому Церковь не имеет никакой связи с Москвой. И Церковный Собор не стал, скажем так, формально оспаривать, и, со своей стороны, насколько (я там не участвовал) насколько я со стороны за этим процессом мог следить, со своей стороны сделал также соответствующий запрос Московскому Патриархату, и статус решения Церкви – этот вопрос уже должен решаться на Архиерейском соборе Московского Патриархата, который будет неизвестно когда. То есть первоначально статус Латвийской Православной Церкви, Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата – они в уставе Русской Православной Церкви обозначены как Самоуправляемые Церкви.

И.Г.2. И второй вопрос: ну, вот сейчас решаются, может быть, возможные варианты [того], что далее с православием будет; безусловно, иерархи тоже могут [что-то решать], священники тоже решают какой-то вопрос. Насчет верующих людей, верующих, потому что здесь будет, наверное, особая проблема. Я вчера на второй секции привел такой пример парадоксальный: я просто услышал, что некоторые православные (мне просто рассказали) сказали, что в связи со статусом собора Александра Невского они уже больше туда ходить не будут, и вот какие-то ситуации подобные можно решить, скажем, на уровне иерархов Церкви. Как верные могут среагировать на это, насколько они примут возможное решение? Можно, например, даже объединиться с Константинопольским Патриархатом, то есть со второй... – как верные среагируют? <...> как это учитывается, скажем так? Это же очень важный вопрос.

Е.Д. Ну да. Такая тема (<...> министр рассказывал или на уровне канцлера, вице-канцлера?) – такие высказывания часто есть, что мы вам обозначаем эту проблему – вы должны делать решение. [Одним из триггеров стал «Наказ»] в конце марта принятый на Всемирном Русском Народном Соборе, который здесь вызвал такой особый интерес и волнения; тогда было решение Синода, что мы сказали, что оно не является никаким образом для Церкви таким положением, которому мы должны следовать, и это такая церковная позиция. В это время приблизительно проходили наши приходские собрания, и на приходских собраниях тоже многих (где-то 2/3), они не в каждом месте (может, как-то забыли), но 2/3 тоже был задан вопрос приходским собраниям: как приходы видят будущность нашей церкви? И 2/3 были за то, что мы остаемся в том статусе, в котором мы сейчас находимся (то есть они не видели в этом проблемы); мы согласны с этим синодальным решением. Мы считаем, что мы этим как бы четко обозначаем, что это не является нашей позицией и мы хотим видеть себя в дальнейшем тоже частью вот этой Церкви, где мы сейчас находимся. То есть, на самом деле, ответ прозвучал, а что этот ответ особо никого не интересует и как бы его игнорируют, но вот это реальность.

Наталля Василевич (Н.В.). Можно вопрос: а 1/3 что сказала?

Е.Д. В каких-то приходах, поскольку там были разные вопросы, и какие-то некоторые забыли этот вопрос задавать (я даже по своему Тартускому приходу могу сказать, что мы весной как-то другие темы обсуждали, а эту тему забыли), и когда уже провели здесь осенью, тогда поставили вопрос даже более как бы конкретно; ну, к примеру, этот вопрос даже в Ныммеском приходе – почему у нас вчера был специальный доклад отца Фомы о том, что автокефалия как возможный путь, поскольку в Ныммеском приходе этот вопрос поставили шире. Не только, что, как вы видите, оставаться или не оставаться, а какие вы видите разные пути. Там эти разные пути были указаны как автокефальный статус (движение в сторону автокефалии, автокефального статуса); второй, оставаться как мы сейчас есть и ничего не менять, и третий – если ошибаюсь, отец Фома потом поправит, третий вариант – увеличить автономию, оставаться в Московском Патриархате, как мы сейчас находимся, и третий – присоединиться к Эстонской Апостольской Православной Церкви. То есть 4 варианта, из которых этот вариант автокефалии получил больше всего поддерживающих, и в Тарту мы тогда этот вопрос (поскольку у нас была уже принята новая редакция устава), тогда мы ставили три вопроса: автокефалия, оставаться в том статусе, как мы сейчас, или присоединиться к Эстонской Апостольской Православной Церкви. У

нас единогласно считали, что мы остались бы, как мы сейчас есть: вот, желание прихода – оставаться в том статусе.

<...>

Н.М. <...> По поводу перевода храмов мы имеем совершенно четкий украинский опыт. Вот я буквально позавчера смотрел сайт Православной церкви Украины, которая подчиняется Константинопольскому Патриархату. Там фоторепортаж о поездке митрополита Епифания, главы церкви, по приходам, по общинам, которые перешли в состав ПЦУ, как было объявлено, в Ирпенском районе Киевской области (это наиболее пострадавшая территория). И дело в том, что я в этом районе неоднократно проводил исследования между 16-м и 21-м годами, и я эти общины видел, когда они были в подчинении Украинской Православной Церкви. И видел, сколько людей в этих общинах – до сотни человек в храме, не меньше 40–50 человек. И вот сейчас фотографии: приехал глава церкви с сонмом священников, там сопровождающих человек 12, наверное, не меньше, глава администрации. И вот коллективная фотография этих приходов: и на каждой фотографии число, собственно, мирян от 6 до 10 человек. Это глава церкви приехал, то есть, казалось бы, со всего города или поселка должны стечься люди, которые вместе придут и на службу, и сфотографироваться. Но нет: реальность такова, что при передаче храмов по всей Украине, при захвате храмов, прямо скажем, Православной церковью Украины, резко, в разы, падает количество людей, желающих их посещать.

<...>

Иеромонах Иннокентий (Глазистов) (И.Г.З.). Мне приходилось общаться с православными верующими из Латвии, и вот многие после принятия решения об отделении от Московской Патриархии³ (по крайней мере, формально на тех приходах, где это выражалось в том, что переставали молиться, поминая Патриарха), многие люди переставали ходить в храм – даже кто-то в Эстонию приезжал для того, чтобы помолиться в тех храмах, где сохраняется связь с Московской патриархией. То есть такая проблема есть, что для простого населения, как бы что ни объясняли иерархи о какой-то необходимости принятия таких решений, простые люди многие воспринимают это как такое предательство веры, и поэтому, возможно, такая проблема действительно быть – то, что люди многие перестанут ходить в храмы.

³ Отец Иннокентий имел в виду отделение от Московского Патриархата (другое наименование – Русская Православная Церковь), а Московская Патриархия – это бюрократический аппарат, канцелярия Патриарха Московского и всея Руси.

<...>

И.Г. После того как я рассказал о том, как произошло и как Патриархат отказался от нас, я, может, доскажу теперь, в какой ситуации мы сейчас. Поскольку, повторяю, что нам была вручена совместно разработанная Грамота, которая [нам показалась] я бы сказал, гораздо положительнее по сравнению <...> с тем, что было, и в [части], касающейся порядка избрания епископов, архиепископа и викарного епископов. Поскольку в Грамоте греческой, то мы сперва избрали общим собранием, а потом Синод должен был утвердить. И вот за 15 лет он больше никого не утверждал и тем самым показал, что ждет, чтобы мы заснули и исчезли. Русская Грамота нам дает, наоборот: то есть мы сперва выставляем кандидатов, но представляем эти кандидатуры Патриарху. Он их должен утвердить, а потом нам возвращает свой список и мы избираем, и после нашего избрания уже все окончательно. Дело в том, что мы ждем полтора года подтверждения Патриарха наших кандидатур.

<...> Дело в том, что Константинопольский Патриархат не отвечал и не реагировал после нашего избрания, но в данном случае, пока мы ждем уже полтора года, чтобы <...> нам получить кандидатов, которых мы ему представили. И ждем. Тоже, может, будем ждать долго.

<...>

И.П. Следующее у нас – заявление Пюхтицкого монастыря, которое нам зачитает досточтимая игуменья Филарета, заявление, которое было направлено членам Рийгикогу, нашего Парламента. <...>

Игуменья Филарета (Калачева) (И.Ф.).

Уважаемые члены Парламента!

Уважаемые члены Эстонского Совета Церквей!

Обращаемся к вам в судьбоносное для нашей обители время. Пюхтицкий монастырь стал заложником в столкновении политических сил, что в конечном счете угрожает его существованию. Но как вам, должно быть, известно, монастырь и монашествующие всегда вне политики. Все наши чаяния направлены в сторону Неба, иными словами, в сторону будущей жизни. В этом – основа нашего бытия. Но ныне обстоятельства сложились таким образом, что нам попросту невозможно промолчать. С большим недоумением и горечью мы воспринимаем попытки сделать нас, насельниц Пюхтицкой обители, ответственными за происходящее на политической арене.

Из Заявления Парламента, сделанного в апреле с.г., следует, что прямая связь с РПЦ будет рассматриваться, как посягательство на безопасность Эстонии. Для Пюхтицкого монастыря это звучит как приговор. Монастырь с его насельницами, средний возраст

которых 60 лет, согласно логике Заявления, превращается в некую подрывную, террористическую организацию. Согласитесь, что это звучит абсурдно.

Поводом для этого послужили известные слова Патриарха Кирилла. Заметим здесь, что мы никоим образом не разделяем выраженную в этих словах его позицию, и наша молитва была, есть и будет молитвой не о каких-то военных победах, а молитвой о даровании мира.

Монастырю 133 года. Все это время в его стенах звучит молитва о благоденствии Эстонии, о мире и процветании Эстонской земли, о благополучии эстонского народа. Мы хотели бы, чтобы вы знали и всегда помнили об этом.

Обращаемся к вам как к политикам XXI века, за плечами которых стоит горчайший опыт минувшего столетия с его войнами, государственным насилием и страшными проявлениями геноцида, и которые должны, нам кажется, во всех своих решениях помнить о человеке, о простом человеке. Всякая политика так или иначе затрагивает человека - тем более политика в такой тонкой сфере, как сфера отношений Церкви и государства. Нам кажется, что парламентарии – люди, стоящие на страже Закона, не должны требовать от нас нарушить Закон Церкви.

В связи с этим позвольте напомнить, что Яан Латтик, Министр Иностранных Дел Эстонии (1928–1931), Министр Образования Эстонии (1925–1927), писатель и богослов, говорил о нежелательности государственного вмешательства в вероисповедные вопросы.

Господа депутаты и члены Совета Церквей Эстонии! Услышьте наш голос! Вот уже более полугода в эстонское общество внедряется мысль о исходящей от монастыря угрозе для Эстонской Республики. Нас принуждают нарушить церковный Устав. Нас, по сути, выдавливают из правового поля и превращают в изгоев, в людей второго сорта, с которыми можно поступать, не считаясь с требованиями закона и нравственности. Все происходящее можно сравнить с насилием, которое некто, заведомо сильнейший, позволяет себе по отношению к безусловно слабейшему. Разве допустимо в демократическом государстве такое грубое пренебрежение законными правами религиозной организации? Разве вам безразлично, что скажут по этому поводу в Мировом сообществе? Разве эта вопиющая несправедливость, участниками которой вы вольно или невольно становитесь не тревожит вашу совесть? Мы обращаемся к вам, надеясь, что здравый смысл и любовь к Эстонии заставят вас увидеть истинное положение вещей. Оставьте нас вне политики! Мы желаем быть только со Христом!!!

Мы убедительно просим вас сохранить Status Quo Пюхтицкой обители.

<...>

Мы не политики, нам трудно представить и вообще неким образом предусматривать <...> такие политические ходы, но мы же смотрим со своей такой как бы монашеской колокольни, и, если быть абсолютно честным,

перспектива нас не радует – она скорее нас пугает. Ну представьте моих сестер – старых сестер, сестер, половина из которых даже не знает, кто такой Путин Владимир Владимирович (это, к сожалению, правда... а может, и к счастью), но в любом случае, когда нас называют террористами (ну хорошо – институтом, сочувствующим террористической организации или там, я не знаю, как это правильно сказать), это, во всяком случае, если сказать *очень* вежливо, просто оскорбляет. Ну а потом давайте посмотрим на это немного с другой стороны: я, как человек монашествующий, понимаю, что всякие нападки на Церковь – это, прежде всего, нападки на Христа. Мы только люди, которые свидетельствуют о Христе, мы люди, грешные люди, да, один Господь без греха, но Церковь – Церковь – это все-таки прежде всего сам Христос, его Тело и Кровь, которым мы приобщаемся. И если говорить о церковном институте, то лучше говорить действительно о нас, о людях грешных, не затрагивая Церковь. Мы можем ошибаться, мы можем падать и вставать, у нас есть прерогатива – это покаяние. Но в любом случае... я бы призвала всех... к какой-то здоровой и более спокойной оценке вещей. Вот здесь, может быть, сделать паузу, подумать хорошо и не принимать и не делать вообще неких заключений и постановлений сгоряча. Давайте об этом просто все подумаем, а мы помолимся.

<...>

Н.В. Матушка, хочу Вам задать такой вопрос, скорее в дискуссию вступить с Вами. Как вы думаете, жизнь монастыря – она больше зависит от эстонских властей или от руководства Церковью в России? Вот по Вашему ощущению – что больше влияет на жизнь монастыря?

И.Ф. Интересный вопрос. Послушайте, ну что может влиять на мою жизнь, вот лично на мою как монаха? Наверное, это вера во Христа. Вот ради чего мы пришли в монастырь? Мы пришли в монастырь не человеку служить, мы пришли в монастырь ради Христа. И являемся служанками Царицы Небесной. И весь мир замирает у монастырских дверей. Мы оставили мир. А вы даже свой вопрос задаете таким образом, что мы ушли из мира, но являемся некой такой его частью и должны делать реверансы. Почему? Вот сейчас такое направление, вот говорили же об этом. Сегодня вызывают опасения высказывания Предстоятеля Русской Православной Церкви – давайте от него отказывайтесь. Ветер в политике настолько быстротечен. Завтра будут, я не знаю, претензии к какой-то главе другой конфессии. И мы что, должны будем дружно, как парусник, менять или подстраиваться под этот ветер перемен политических воззрений? Мы служим Христу, и мы Христовы, а вы нас окрашиваете в любой цвет: то мы кремлевские для кого-то, то мы еще какие-то. А мы вообще-то Христовы.

<...>

Н.В. Но тогда следующий вопрос: если монастырь не зависит от мирских каких-то вещей, не зависит от политики, не зависит от политики, в том числе Эстонского государства, то в чем тогда смысл обращаться к Эстонскому государству и комментировать какие-то их политические действия, действия в законодательной сфере? Вот это письмо, мне кажется, оно в определенном смысле направлено на политических акторов, на политических субъектов. И тогда вопрос: если монастырь от этого не зависит и монастырь зависит только от Христа, то зачем обращаться к политическим субъектам?

И.Ф. Вы меня спросили, что влияет на *нашу* монастырскую жизнь? Я Вам ответила. Что наше устремление – Небо, Христос. Но земля, земля действует на нас таким образом, что заставляет нас вместо Христа ставить мнение какого-то человека. Вот и все. *Мир* к нам рвется. Мы из мира ушли. А вы в этом плане просто ломитесь, открывая двери ногами. Мы ушли из мира. Монастырь – это не просто стены. Это некий образ жизни, свой порядок, отречение от мира. Вообще вот такой вопрос: вы видите, мы сейчас пришли, мне кажется, к главному: хорошая конференция, но, я думаю, всем понятно (мне так, например, на 100%), почему нас, людей Церкви, заставляют жить иначе или принимают за нас решения люди, которые не то что не имеют к Церкви никакого отношения, но даже во Христа не верующие. Вот ответьте мне на этот вопрос. Он у меня стоит ребром.

Люди в государстве, агностики, почему-то приходят и, не зная церковной структуры, не зная самого Духа, почему-то вот так вот поступают с нами, хотя в принципе мы, как монашествующие, никогда не участвовали ни в каких политических акциях. 133 года живет монастырь, и ни одного свидетельства каких-то, я не знаю, политических веяний внутри монастыря. Это просто невозможно. Ты не выживешь в монастыре, если ты останешься хоть каким-то помыслом в миру. Это другая реальность.

Н.В. То есть Вы не считаете, что поддержка Патриархом Кириллом войны в Украине, его заявления политические, они как-то влияют на монастырь? А в то же время позиция эстонских властей, которые заставляют Вас <...> какие-то политические шаги делать, в том числе обращаться к ним, вас скорее втягивают в политику. А вот когда патриарх Кирилл высказывается о политике, это на вас никак не отражается.

<...>

И.П. Матушка, если что, Вы меня поправите. В заявлении монастыря не сказано, что они не зависят от мирской политики. Наоборот, заявление потому и сделано, что они прекрасно понимают, что благополучие монастыря, возможность следовать своему призванию во многом зависит от того, как государство решит себя вести. Потому заявление и сделано – это такое обличение и вразумление, *попытка*, во всяком случае, вразумить заблудших, умиротворить их и помочь им скорректировать свое отношение.

Насчет зависимости. Я поясню, если я ошибаюсь, матушка меня поправит. Монастырь не зависит от политических заявлений Патриарха, потому что они этими вопросами принципиально не интересуются. Поэтому, что бы там ни заявлял Патриарх, будь то о смертной казни, будь то о поддержке агрессивной войны, их это не касается, они это не принимают на свой счет, они не начинают «плести сети», как это им вменялось, они не начинают агитировать за это дело, то есть они *не являются проводниками этой идеологии*. Связь с Патриархом чисто каноническая, и ничего такого политического он им не навязывает. Также и со стороны государства: государственная позиция, ложная позиция относительно Московского Патриархата, не влияет на монастырь в том плане, что это не влияет на их умы. Они продолжают заниматься своим делом. Матушка, если я в чем-то ошибся, то поправьте, пожалуйста.

И.Ф. Отец Игорь, ну тут можно только добавить. Вот скажите: когда начиналась эта военная операция, то разве меня спросили, например, начинать ее или нет? Я вам больше скажу: ее будут заканчивать, и меня точно не спросят. Здесь дело в другом: здесь <...> за какие-то тяжелые, серьезные политические решения и тяжелые последствия делают ответственными людей, которые не имеют к этому никакого отношения. Если я не права, пожалуйста, скажите, что это не так.

Н.В. Я как бы с этим с Вами согласна, я к чему веду дальше? Мой следующий шаг в рассуждениях. <...> Я считаю, что это очень важный вопрос, потому что этот вопрос – это не то, что я просто хочу помучить матушку Филарету и как-то ей... мне просто самой очень важно понять, то есть почему есть силы, желание, какое-то стремление обращаться к эстонской власти? Почему есть мотивация к тому, чтобы обращаться к эстонской власти, и почему даже нет страха обращаться к эстонской власти и говорить о своей позиции, о своей вере, о том, что из себя представляет монастырь и как он относится к политическим вопросам? Но при этом, как Патриарх Кирилл, например, он рассматривается как какая-то виртуальная фигура, которая где-то сама по себе существует далеко от монастыря, никакого отношения к монастырю, кроме такого виртуального канонического, не имеет, и нет желания, например, задать патриарху Кириллу

вопрос, почему, как понимать его какие-то высказывания, какое отношение они, по его мнению, должны иметь тоже к жизни верующих и так далее. Также высказать какое-то несогласие, может, с Патриархом, как можно высказать несогласие с эстонскими властями.

Вот для меня просто очень важно понять вот эти взаимодействия, и почему такой субъект, такой, как эстонское правительство, является для диалога в этом вопросе более таким преимущественным как бы партнером по диалогу?

И.Ф. У Вас такой витиеватый вопрос. Сложность-то заключается лишь в том, что государство, в лице министра и его представителей, предложило: пожалуйста, не молитесь за Патриарха. Хорошо, а за кого нам молиться? Ответ: За владыку Евгения хотя бы. Ну тогда верните его сначала. Как это все? Но просьба такая: разорвать канонические связи. Показываем Устав: в Уставе есть глава, которую государство утверждало два раза. Смена юрисдикции невозможна. Мы не можем это инициировать, мы не имеем права, мы связаны каноническими правилами – то есть, если мы это сделаем, мы попадаем под церковное прещение. Мы становимся сторонниками раскола и вообще остаемся вне Церкви. Для мирского человека это, может быть, некая такая очень грузная непонятная структура, а для верующего – христианина (практикующего, как сейчас принято говорить) – понятно, что это вещи, это тот грех, который не смывается даже кровью. Раскол не смывается кровью⁴. Это вещи серьезные духовно. Мы на это пойти не можем, поэтому предложили: пожалуйста, вы обратитесь к Патриарху, и он вам ответит. Если вы – инициаторы этого процесса, начинайте его вы. Но они говорят: нет, вы!

⁴ См.: «...Ничто так не оскорбляет Бога, как разделения в Церкви. <...> Один святой муж сказал нечто такое, что могло бы показаться дерзким, если бы не им было сказано. Что же именно? Он сказал, что такого греха не может загладить даже кровь мученическая. В самом деле, скажи мне, для чего ты принимаешь мучения? Не для славы ли Христовой? Итак, будучи готов положить свою душу за Христа, как решаешься ты разорвать Церковь, за которую положил душу Христос?» (Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к ефесянам // Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. – М.: Ковчег, 2006. Т. IX. С. 124). Свт. Иоанн имеет в виду сказанное священномучеником Киприаном Карфагенским: «Да хотя бы таковые претерпели и смерть за исповедание имени, – пятно их не омоется и самой кровью. Неизгладимая и тяжкая вина раздора не очищается даже страданием. Не может быть мучеником, кто не находится в Церкви; не может достигнуть царства, кто оставляет Церковь, имеющую царствовать. Христос даровал нам мир; Он повелел нам быть согласными и единомышленными, заповедал ненарушимо и твердо хранить союз привязанности и любви, и кто не соблюдает братской любви, тот не может быть мучеником» (Сщмч. Киприан Карфагенский. Книга о единстве Церкви [Электронный ресурс] // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/otechnik/books/download/9310-Книга-о-единстве-Церкви.pdf> (дата обращения: 14.07.2020)).

И принуждают нас делать то, чего мы делать не можем. Поэтому вот идет этот диалог.

И.П. Спаси Господи, матушка. Владыка митрополит Евгений хотел высказать свое мнение.

И.Ф. Я свободна? Спасибо большое.

Митрополит Евгений (Решетников) (М.Е.). Нет, матушка, подождите, Вы не свободны.

И.Ф. Владыка, благословите.

М.Е. Да, я решил немножко тоже встрять. Вы знаете, я, наверное, обращаюсь больше к вопрошающей – к Вам⁵. Там прозвучало, если я правильно понял, прозвучало: зачем такое <...> политическое заявление от монастыря, обращенное к политикам? Так я бы поправил (если я не прав, тоже меня поправьте): политики обратились к монастырю и повесили ярлык. И вот поэтому монастырь вынужден как-то свою позицию высказать и обратиться к политикам. Вот и все. Мое такое мнение. И это вполне понятно, что монастырь среагировал так. А что, молчать? Когда вешают ярлык, что вы – там, я не знаю, почти террористическая организация, это же абсурд полный. Вот я понимаю так. Если я не прав, пожалуйста!

<...>

И.Б. В предпоследней части пленарного заседания выступала Наталья Василевич. Наталья, если помните, мы говорили о том, что несколько вопросов осталось вне дискуссии, и, если можно, мы Вам зададим их прямо сейчас. Значит, один вопрос сразу (их всего три), и первый вопрос (если можно, коротко). Первый вопрос провокационный: как Вы считаете, МП и КП исповедуют одну религию? Вот такой вопрос.

И.В. Конечно, одну – это у православных, у нас одна православная вера, вот и одна вера, одно крещение, одна Единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь. Я не считаю, что вообще как-то Патриархаты, Поместные Церкви <...> можно рассматривать как какие-то отдельные структуры. Все равно, когда у меня спрашивают, к какой Церкви я принадлежу, я говорю: я принадлежу к Православной Церкви. Когда у меня спрашивают: а к какой именно Православной Церкви? Я предпочитаю отвечать: к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви – Церкви Православной. Да, и хочу напомнить, что

⁵ Обращается к Наталле Василевич.

Патриарх Варфоломей поминает Патриарха Кирилла в диптихе и не считает, что он принадлежит к другой вере, к другой религии.

И.Б. Второй вопрос, Наталья, вам же был задан: как [бы] Вы ответили на вопрос, заданный предыдущему докладчику. Так, перед Вами была Регина, да? Ограничивает ли права человека признание Парламентом Эстонской Республики Московского Патриархата организацией, поддерживающей военную агрессию? Ограничивает ли <...> права человека – [это] признание?

Н.В. Ну я в своем докладе постаралась тоже объяснить, что нужно разделять разные уровни: Церкви и какие-то действия отдельных лиц, и действия каких-то структур. И все-таки, если мы будем брать Русскую Православную Церковь в целом... И я указала на то, что из-за того, что идет вот этот разговор о признании Русской Православной Церкви какой-то там террористической организацией, это отражается на общем настроении по отношению ко всем членам этой Церкви. И в том числе даже антивоенные священники, как я говорю, они не могут получить визу для того, чтобы каким-то способом избежать репрессий в России.

Поэтому я считаю, что скорее нужно вести разговор о каких-то конкретных лицах; и это очень важно, кстати, очень важно в транзитный период, когда транзитное правосудие происходит, когда совершается геноцид, военные преступления, всегда рассматриваются конкретные деяния. Поэтому документирование преступлений, документирование каких-то высказываний – оно имеет очень важное значение, потому что коллективная ответственность – это очень часто размывание ответственности и перенос. От этого выигрывают как раз преступники, которые больше всего повлияли негативно как-то на права, жизнь других людей.

И.П. Ну да: когда виноваты все, не виноват никто.

Н.В. Да.

И.Б. И последний вопрос, который был задан во время, точнее, после Вашего доклада: каков, по Вашему мнению, оптимальный вариант для решения проблемы взаимоотношений Православной Церкви и государства и между двумя Православными Церквями в Эстонии?

Н.В. Поскольку я не принадлежу ни к эстонскому народу, ни к одной из этих Православных Церквей, я не могу как бы давать какие-то рекомендации, такие инструкции, потому что я считаю, что это должно решаться в первую очередь в самом обществе и самими Церквями. Сами Православные Церкви должны быть как субъекты, которые в процессе диалога... у них могут появляться новые какие-

то идеи, то есть третий путь, четвертый путь, это план Б; в процессе диалога могут даже возникнуть такие формы, которых мы еще не знаем в Православной Церкви, то есть беспрецедентные формы. И вот такой креативный диалог и попытки друг друга понять, попытки возвращать друг к другу уважение сначала, потом любовь. Все-таки мне кажется, что в данный момент главное – начать этот процесс, главное – иметь волю к тому, чтобы этот процесс шел и чтобы в этот процесс были включены все православные: и не только епископы, не только священники, но и миряне. И вот этот соборный процесс, он, на самом деле, может дать такие интересные результаты, о которых мы даже сегодня помыслить не можем. И поэтому я верю в то, что главное – встать на этот путь, и этот путь сам приведет с божьей помощью под предводительством духа вместе... главное, чтобы вот это настроение сердца и направленность сердца на то, что мы хотим быть Церковью, мы хотим исполнять волю Божию и быть свидетелями Христа. Этот путь приведет сам по себе туда, куда он и должен привести.

<...>

И.П. Тогда у меня будут вопросы – как бы в продолжение нашего круглого стола, у меня все-таки по работе секции они. И у меня вопрос к уважаемому присяжному адвокату Стевену-Христо Эвестусу. Как Вы видите перспективы дальнейшего продвижения нашего дела в юридической плоскости?

<...>

Steven-Hristo Evestus (S.-H.E.). Aitäh küsimuse eest. Ma sain aru, et küsimus on selles, et kuidas või milline on õiguslik-juriidiline perspektiiv kogu selles asjas. <...> Võibolla juristide puhul on ka see, et ega siis ei ole võimalik kindlasti tulevikku ette ennustada, et oleks väga hea teada, kui oleks selge. Aga näiteks meil eile, kui me arutasime seda teemat – ma tahaks kohe ära märkida selle, et kuna meil oli Riigikogu liige Varro Vooglaid ka ettekannet tegemas, siis tema käest küsiti seda küsimust. Ta pidas tõenäoliseks, et kätt ette panna sellele seaduse muutmise plaanile on väga raske. Et praeguses situatsioonis lähenetakse sellele küsimusele väga pealiskaudselt. Et see on poliitiline küsimus, mida ei pruugitagi sisuliselt analüüsida. <...>

Mida võib praegu aimata, et mida riik edasi teha võib? Vähemalt jääb selline mulje, et riigil on lootus siiski ilma sunnivahenditeta jõuda selleni, et Kirik ja ka klooster ennast seovad nii õiguslikult kui kanooniliselt lahti, et see on selline surve-hirnutamismeetod. Ometi on see kõik käima lükatud ja see tähendab seda, et kui poliitiline tahe säilib, siis selle seaduse muudatuse vastuvõtmisega muidugi Riigikogus mingeid probleeme ei tule. Praegu ollakse meelestatud sellistele tegevustele, ütleme poliitilistele positsiooni võtmistele Ukrainas toimuvast lähtuvalt. Et ka täna üks põhiseaduse autoreid Liia

Hänni – ma lugesin tema kommentaari – küsis, et kas tõepoolest on põhjendatud, et me Eesti Vabariigis peame ka juba põhiseadust muutma sellistes poliitilistes tõmbetuultes ja enda kohale tõmbama ajaloo varje?

Ehk siis, et poliitikud peaksid väga hoolega läbi kaaluma nüüd need teemad, olgu see kas siis kirikuellu, usuvabadusse sekkumine, hääleõiguse äravõtmine, meelsuskontrolli läbiviimine – need kõik on väga delikaatsed teemad Eestis, mis praegu ikkagi ka pälvivad mitmete ekspertide kriitika. Aga kui nüüd rääkida edasi, et kui läheb selline poliitiline tahe läbi ja kirikute ja koguduste seadust muudetakse, siis loomulikult, millest me ka eile rääkisime, millest minu ettekandes oli juttu, on see, et selline pretsendendiõiguse ja Euroopa inimõiguste kohtu praktika ikkagi väga paljudes punktides toetab usuvabaduse kaitset ja usuliste ühenduste võimalikult sõltumatut opereerimist, kui nad just ei kujuta ohtu avalikule korrale, elule ja kõlblusele. Sundlõpetamine peaks olema Euroopa inimõiguste kohtu praktika kohaselt viimane abinõu. Eks siis see tähendab, et see on selline *ultima ratio* printsiip, mida tunnustatakse, mida ei saa kohaldada lihtsalt niisama kiirustades, läbimõtlematult. Üks võimalus on see, et meid ootavad ees nii siseriiklikud kui ka rahvusvahelised kohtuvaidlused.

Juriidilise esindajana saan öelda, et loeb lõpuks selle surve alla langenud usulise ühenduse tahe ja soov ja kui ta leiab, et tema igapäevast tegevust rikutakse, tema traditsioonid heidetakse kõrvale ja selleks ei ole ühtegi seaduslikku alust, siis selleks tuleb kasutada õiguskaitsevahendeid ja riik praegu läbimõtlematult meid selle poole juhib.

Ja mis ma veel tahaksin ära mainida on see, et võibolla praeguses olukorras on kahetsusväärne see, et me oleme alles hiljuti rääkinud läbirääkimistest. Ka riik on siin mõne kuu eest alles nõustunud, et kõik sellised kanoonilised ja usuühenduste vahelised teemad – see kõik tähendab väga pikaajalist protsessi, see kõik nõuab aega, aga ometi lõpetati läbirääkimised meiega ühe päeva jooksul ja meile kõigile üllatuseks oli 23. oktoober, kus kuulasime kõik poliitilist avaldust ilma igasuguse hoiatuseta ja sellel vahepealsel ajal, kui läbirääkimised toimusid ja kui justkui jäi mulje, et riik tahab konstruktiivset lahendust leida, olid järsku süüdlased leitud ja selline oluline samm Eesti avalikkuse ees astunud. Kõige hullem selle juures on see, et sellel kõigel on ka negatiivne mõju avaliku arvamuse kujundamisele. Selliste poliitiliste väljaastumiste ja läbimõtlemata uuringute läbiviimisega kujundatakse kõrvalt avalikku arvamust, meedias kujundatakse negatiivset arvamust ja see vähemus või siis tõrjutu seisundisse sattunud pool tegelikult jääbki... see hääl jääbki üha vaiksemalt kõlama. Ja sellest tulenevalt näen mina, et ainult õiguskaitsevahendite kasutamine võib mingit lootust anda. Muidugi on küsimus selles, et kas me jõuame veel poliitikutega sellise, kuidas

öelda, varaka sisulise diskussioonini? Meil on ju võimalik kulutada Riigikogu uksi ja proovida saada enda arvamust avaldada. Pean siin silmas, et mina just läbi enda klientide ehk siis Kiriku ja kloostri esindajatega – kõikidel peab olema Eesti Vabariigis hääli poliitika kujundamisel kaasa rääkida, poliitika kujundajatega kohtuda. Lähiajal me näeme, et kas me oleme ukse taha jäetud, kui riigikogu hakkab neid muudatusi menetlema või oleme me oodatud ka, et meid ära kuulatakse ja me saaksime oma seisukohad avaldada.

Ja ma tahaksin veel ühe kommentaari öelda täna kõlanud iguumenija Filareta poolt ettekantud avaldusest. Kui siin tekkis arutelu, et miks peab poliitikutega dialoogi pidama või üldse nende poole pöörduma? Tuleb arvestada, et poliitikud, valitsus on ise algust teinud ja lõpuks on jäänud kõlama ainult sellised hoiatavad-ähvardavad toonid. Praegusel juhul on nii mõlemad, kui ma kõrvalt pilguga vaatan, nii Kirik kui klooster – ja just me täna kuulsime seda pöördumist Riigikogu liikmete poole – käitunud väga mõistlikult ja arukalt. See on tegelikult veel mõnes mõtteski appikarje, et kuulataks, kaasataks ja mõistetakse. Ma arvan, et see ongi see viimane lootus, et ikkagi äkki keegi mõtleb sisuliselt selle peale ja ma arvan, et tegelikult paljudki võivad seda tunnetada, aga nad lihtsalt ei julge sellise n-ö karjamentaliteediga vastuollu sattuda. Aga tegelikult ma arvan, et iga poliitik peaks mõnema ja mõistma seda, et etteheite kui sellise tegemise põhjust ei ole. Ma ei näe, et see tulevik oleks pilvedeta ja muretu. Ma arvan, et selliseks enesekehtestamiseks ja enda traditsioonide säilitamiseks, kui see toimub igati rahumeelselt ja õiguslikult, õiguspäraselt, siis on Kirikul ja kloostriil veel pikk tee käia. Aitäh.

<...>

T.H. Mul on küsimus selle Riigikogu otsuse kohta, mis vist meie Kiriku poolt vaidlustati. Kuidas... ma saan aru, et esimese astme kohus keeldus seda arutamast... Kuidas sellega edasi läheme?

S.-H.E. Ma alati sellistes asjades küsin kõigepealt, et ilmselt on mul luba seda paari sõnaga kommenteerida? See on selline kliendisaladus esimesel juhul. Kui praegu on inimesed mu kõrval, kes annavad selleks nõusoleku, siis ma võin öelda seda, et jah... Praegu Riigikogu avaldusega seonduvalt ei ole halduskohus ei siis esimeses ega teises astmes näinud seda võimalust, et oma sõna öelda, <...> et anda hinnang Riigikogu tegevusele. Ja lähtunud on eelkõige riigikoguliikme indenniteedi põhimõttest, st teda kaitsvast põhimõttest, et ta on vaba vastutusest poliitiliste avalduste eest. Kui teda iga asja eest saaks riigikogus vastutusele võtta, siis ei oleks nad oma mandaadiga vabad tegutsema. <...> Kohtuvõim saab kontrollida täidesaatvat võimuakti, aga ei ole võimalik seadusandlikku võimu kontrollida.

Küsimus on ka selles... loomulikult me kasutame ära ka viimase instantsi ja uurime ka seda, mida Riigikogu arvab tehes viite ka sellele, et kas selline <...> lähenemine on põhiseadusega kooskõlas. <...> Meil on võimalik ka kaaluda seda, et kas teostada põhiseaduslikkuse järelevalvet, et viitame selle ära. Põhimõtteliselt, kui see pädib negatiivse tulemusega, siis see näitab seda, et Riigikogul ei ole mingeid piiranguid halvustavaid avaldusi vastu võtta. Kellelgi pole võimalik ennast ka nende eest kuidagi kaitsta. Loomulikult me praegu kaalume ja valmistume ka selleks, et Euroopa inimõiguste kohtus õiguste eest seista. See on nagu pikem protsess. <...> See on kahetsusväärne juhtum. Mis ma veel väikese remargina siia juurde märgin, et Riigikogu avalduse puhul oli veel kõige kummalisem see, et see Riigikogu avaldus leidis taaskinnitamist ka suvel meil läbi eraldi teabenõude, kus mainiti ära, et kõik, mis Moskva Patriarhaadiga seotud ja ühenduses on, on arvatud selle avalduse adressaatide ringi. Et kõik usulised ühendused ja kogudused, kes seal all on, kõik on justkui agressiooni toetava loomuga ühendused. See oli muidugi selline asi, mis kohe mitte ei sobi ja mis tegelikult ka väljub poliitilise avalduse piiridest, kui seda hakatakse eraldi kinnitama, eraldi dokumentidega. See tekitab rida küsimusi.

T.H. Kas tohiks veel täpsustada? Mis dokument see oli, teabenõue? Ma ei saanud täpselt aru.

S.-H.E. Kuna Riigikogu avaldus opereeris väga erinevate mõistetega nagu “Moskva Patriarhaat”, “institutsioon” ja see jättis arusaamatuks, et keda ikkagi selle avalduse adressaadiks täpselt peetakse, seetõttu me ka suvel tegime Riigikogule täiendava teabenõude ja palusime selgitada, keda on konkreetse avalduse adressaatideks peetud ja kas see hõlmab ka Eestis tegutsevat Õigeusu Kirikut ja Pühtitsa kloostrit. Siis avaldati meile, et jah, see hõlmab ka neid ehk siis kõiki Moskva Patriarhaadi nii-öelda osiseid. See oli Riigikogu täiendav avaldus, selgitav vastus.

<...>

Иподиакон Николай Тон (H.T.). Я очень благодарен матушке Филарете, что она говорила о каноническом порядке и что она цитировала слово святителя Иоанна Златоуста. Что раскольник виноват, что даже мученическая смерть не может очистить грех раскола. Я думаю, мы много говорили, это ясно – надо говорить о светских законах, и [по слову] апостола Павла мы, конечно, уважаем светскую власть, молимся на каждом богослужении «о богохранимемй стране нашей и о властех ея». Но самое главное, думаю, всем церковным людям надо [соблюдать порядок] канонический – значит, порядок такой, который с самого начала нам известен из документов Церкви по этому вопросу – [из Правил святых Апостолов], [из канонов] Первого Вселенского Собора, юбилей которого мы

празднуем (мы все хотим праздновать) в будущем году, что есть такой благословенный порядок, что епископы должны подчинять[ся] митрополиту, потом Первоиерарху <...> Поместной Церкви. Но нигде там не написано, что мы должны согласить[ся] с мнением, именно с не чисто церковным мнением Первоиерарха, и это, наверное, в истории Церкви ([двухтысячелетней] истории) были всегда люди, которые не были согласны с решениями своего Первоиерарха в политическом смысле – в связи с императором Византии и где угодно.

Но они тоже все время считали нужным, важным все-таки сохранить порядок такой: если я – член Поместной Церкви, то я не могу просто сказать: я [отрекаюсь] от моего Первоиерарха, потому что Церковь, так я понимаю, это не Первоиерарх, это даже не только собрание епископов, это части Тела Христова Всемирной Церкви и Поместной тоже, значит [отрекаться] от кого? От Патриарха Кирилла или кого-то другого? Почему? Он – не Церковь, он часть Церкви, он важный человек в Церкви, но Церковь, как таковая, больше чем тысячелетняя и Русская, Российская Церковь – это все люди: это и верующие, это и духовенство, это, конечно, и епископат, и это тоже Патриарх. Но все вместе, и из-за этого я вообще не могу понимать, почему кто-то и как кто-то может сказать: нет, мы [назвали] его неправым. Пожалуйста, скажи, но это не обозначит, что он больше не глава той Церкви, которой и он принадлежит, и весь епископат, и всё духовенство, и, прежде всего, миллионы верующих.

Из-за того я не понимаю, как можно так мешать разные [понятия]. – <...> «Первоиерарх – глава Церкви» – это не наша терминология. <...> Христос – глава Церкви. Там есть Первоиерарх на месте в Поместной Церкви. Значит, сейчас – [и никто среди этих первоиерархов Вселенской Церкви], на мой взгляд, не имеет права назначить себя единственным.

<...>

И.Г.2. Я сейчас, может быть, рискну добавить что-то от Католической Церкви. Слушая предыдущего выступающего, что-то такое похожее: действительно, тут очень хорошо сказано было, потому что, как известно, допустим, в Католической Церкви Папа – глава Католической Церкви. Есть определенные ситуации, когда его высказывания носят так называемый законодательный характер, который принимаем с послушанием, и там уже нет никаких разговоров; но, безусловно, Папа может высказываться по разным проблемам, в том числе по политическим, по разным другим, [с которыми] нет обязанности, скажем, например, у меня как священника соглашаться. Но, с другой стороны, даже если Папа скажет какое-то высказывание, не обязывающее меня принимать, даже не могу представить,

допустим, если кто-то из мирских или из каких-то церковных властей сказал, что я должен отречься от Папы. Нет-нет, значит, я просто ухожу из Церкви, вот я спокойно ухожу из Церкви, значит, я отрекаюсь от Церкви. Это вот такое мое представление.

Конечно, может быть, в Православной Церкви нет этих пунктов, когда высказывания Патриарха носят обязательный характер, но мне тоже кажется не совсем понятным, когда на каких-то уровнях идут... Ну да, можно высказываться, можно спрашивать, уточнять, да, но вот такое отречение – это уже подозрительно. Николай сказал достаточно, он достаточно сказал: ну, отречение может быть от Иисуса Христа, таким образом, если действительно в Церкви такие вещи происходят. Мне так кажется.

И.П. Спасибо, отец Игорь. Ну я, простите, только дополню то, что отец Игорь сказал. Конечно, в Православной Церкви положение Патриарха очень высокое, он авторитетен уже в силу своего положения, но <...> оно все-таки поскромнее, чем положение Папы Римского в Католической Церкви. И по таким вопросам, как война и мир, отношения с обществом – по таким *концептуальным вопросам* – полноту Церкви, в полном смысле позицию Церкви, ее мнение может высказывать только Поместный Собор. И поэтому, когда нам вменяют в вину сказанное Святейшим Патриархом Кириллом, либо не понимают, что говорят, либо умышленно вводят в заблуждение. Это один момент. Другой – то, что вот, в частности, министр внутренних дел в одном из высказываний (вот я, к сожалению, под рукой не имею, не могу процитировать точно и указать источник, но было дело), в одном из высказываний, когда он объяснял свои опасения по поводу того, что мы можем представлять угрозу, он обосновал это так, что «у них там в церкви послушание: что им свыше сказали, то они и обязаны исполнять. Они находятся в прямом подчинении у патриарха».

Ну мы неоднократно говорили, что мы все-таки Автономная Церковь. Все эти игры терминологии, о чем уже владыка сообщал, это все отношения не имеет, есть более широкая и менее широкая автономия, но это автономия. Так вот мы – Автономная Церковь, и у нас нет прямого подчинения. Да, ставропигиальные объекты находятся в прямом подчинении, так и то на них не влияют, для них не являются обязательными политические призывы Патриарха. Но тут есть еще один такой момент: не надо воспринимать церковное послушание как бездумное «баранье» повиновение. Человек – существо свободное, со свободной волей. Как объясняет святитель Василий Великий, разум и свобода воли – основные черты [образа Божия] в человеке. И поэтому человек ответственен за свои действия, за свои слова полностью, независимо от того, кто ему что ни приказал. И если брать

святоотеческие наставления, поясняющие нам, как следует относиться, в том числе и к добродетели послушания, то опять же, к сожалению, под рукой нет святителя Игнатия Брянчанинова книги, чтобы процитировать его словами, но я как-нибудь коряво, но изложу смысл: он объясняет так, что надо слушаться начальство во всем <...> что не является грехом. Если же тебе предписывается совершить грех, ты не просто имеешь право, ты **обязан** не исполнять, *даже если бы за это пришлось и пострадать*⁶.

Это он пишет, если не ошибаюсь, в книге «Приношение современному монашеству», то есть это не просто абы кому, это адресуется монахам, у которых послушание – это один из обетов. То есть даже монашеское послушание не предполагает рабства, даже оно предполагает ответственность и *обязанность* не подчиняться (как светское выражение есть) преступному приказу. Поэтому <...> в случае даже прямого, неверного распоряжения сверху, даже в этом случае нельзя ожидать со стороны верующих, и тем более монашествующих, просто такого исполнения. Не надо этого бояться – нет оснований: у каждого человека разум и совесть.

<...>

Н.В. Получается, что вся дискуссия в основном идет о том, что православным верующим Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата вменяют те слова, которые говорит Патриарх Кирилл, или те действия, которые он делает. То есть у меня вопрос: почему так? Почему именно его слова приписываются в убеждения Эстонской Православной Церкви?

Возможно (я задаю себе вот такой вопрос), что не слышно голоса самой Эстонской Православной Церкви, то есть этого голоса как бы нет, есть какое-то пустое место (ну, по крайней мере, Вы не думаете так). <...> И что если бы был какой-то соборный (не обязательно Синод Эстонской Православной Церкви), но какой-то общий документ со стороны Эстонской Православной Церкви, <...> в котором бы выражались какие-то позиции...

⁶ «Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству нелицемерное и нечеловекоугодливое послушание, послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных Закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского начальства. Но никак не будь послушен на зло, если б и случилось тебе потерпеть за нечеловекоугодие и твердость твою не которую скорбь» (Свт. Игнатий Брянчанинов. Приношение современному монашеству // Свт. Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. – М.: Паломник, 2003. Т. V. С. 68).

И.П. Наталля, есть. Дело в том, что после этого «Наказа» ВРНС наш Синод, спустя несколько дней, практически сразу, 2 апреля, принял Обращение, в котором говорил, что учение «Русского мира» противоречит Евангелию, что оно подменяет Евангелие и что мы с этим не согласны. Это вполне конкретно было сказано. Кроме того, мы в прессе, конечно, не настолько часто выражаем свое мнение, как те, кто нас поливает помоями, – тут я не знаю, какое соотношение. Весьма маленькое, да, но нельзя сказать, что мы молчим. Мы высказываемся: и по телевидению интервью есть, и в Интернете свидетельствуем, и в печатных изданиях – все-таки мы свое мнение высказываем, и кто хочет, тот вдумывается и делает свои выводы.

Если нас не понимают, то только потому, что не хотят понять. Потому что мы высказываемся предельно доступным языком. И что еще хочу сказать: я могу понять тех людей, *которые нас не понимают, потому что не хотят*. Потому что они нам просто не верят, потому что они в плену бытующих, сложившихся не просто за десятилетия, за больше, чем сто лет сложившихся стереотипов, и эти стереотипы разрушить это очень сложно. Тем более, что (о чем говорилось у нас вчера на секции, о чем рассказывал владыка Даниила) тут много разных причин и у меня очень смешанные чувства, понимаете, очень смешанные чувства, когда я читаю вот эти материалы. С одной стороны, это не может не вызывать возмущения, когда, например, наш собор обзывают «луковым сараем», когда его требуют снести, когда это всерьез обсуждается на заседании одной партии, я просто знаю, о чем говорю. И <...> без возмущения на это реагировать, ну лично у меня не получается. Но в то же время я понимаю, что многие из этих людей, которые вот так рассуждают, они не потому рассуждают, что они просто гнилые насквозь, а потому что вот они находятся в плену, в плену этой лжи – вот точно так же, как в плену путинской лжи находятся очень многие россияне и им сочувствующие.

Вы понимаете, вот если человек болеет этой ложью (а это действительно болезнь), то ему очень трудно объяснить, что как есть, потому что он тебя слышит через свои стереотипы. Но это не значит, что мы должны отказаться от свидетельства. Мы должны продолжать столько, сколько можно, столько, сколько нас допускают. И, слава Богу, я вам скажу, сейчас это легче, чем было в 90-е годы, потому что тогда была *полная* блокада в средствах массовой информации на эстонском языке. Если где нас печатали, то только в русскоязычных изданиях. Со временем чуть-чуть вроде так пробилась и то совсем немного. А вот что на нас лилось тогда в средствах массовой информации на эстонском языке – это сущий кошмар. Когда просто открыто требовали (тогда

еще епископа): «Корнилия – на скамью подсудимых!»), и автор этой статьи сейчас просто наслаждается жизнью, потому что сейчас снова можно так от души высказаться. Это на скамью подсудимых того, кто на ней уже побывал и отсидел (пусть и неполный срок)? Вот понимаете? И вот это было. А сейчас, слава Богу, нет-нет, да все-таки мы попадаем на страницы весьма уважаемых газет, которые себя в наших глазах уже серьезно дискредитировали тем, что дают место сплошной клевете.

Н.В. Спасибо, отец Игорь. <...> На самом деле, мне кажется, что вот тот факт, что представители Лютеранской церкви или представители Католической Церкви приходят на вашу конференцию, поднимают тоже свой голос, как-то говорят в защиту Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата, есть какое-то уже свидетельство о том, что в рамках, возможно, экуменического Совета Церквей удастся как-то представить свою позицию и так далее.

Но я хочу спросить еще вот про этот документ, который <...> в апреле 2024 года был принят Синодом Эстонской Православной Церкви. Насколько этот документ обсуждался в приходах, насколько он действительно циркулировал в дискурсе публичном и насколько он циркулировал внутри самой Эстонской Православной Церкви; и был ли этот документ, ну как-бы рецепция его произошла всем организмом Эстонской Православной Церкви или нет? Почему, мне кажется, это важно, потому что сейчас, как я понимаю, ситуация такая, что есть, как Вы говорите, стереотипы, и ответственность за разрушение стереотипов не может лежать на каких-то лидерах, то есть лидеры не обязательно всегда смогут справиться с объемом той задачи, которая стоит перед ними. Это всегда должно происходить на уровне университетских аудиторий, на уровне каких-то, не знаю, выставок искусства, то есть это многоплановый процесс. И его нельзя просто свести только в политическую, например, сферу, только в общение с политиками... <...> И насколько Вы видите для себя такую задачу? <...> Потому что мне кажется (мое впечатление), я всего тут несколько дней, и, послушав доклады, нельзя сделать вывод про жизнь церковного организма, но мне кажется, что он как бы в замершем таком состоянии находится, ну вот как есть разные стратегии реагирования на стресс: бей, беги или замри.

Вот мне кажется, что в данный момент Эстонская Православная Церковь в целом находится в ситуации «замри». То есть мы хотим *статус-кво*, мы закроемся, как ежик, выпустим иголки, мягкий животик закроем и таким образом будем встречать опасность, встречать стресс. И потом опасность пройдет, мы опять справимся и будем жить в каком-то таком свободном режиме. Вот насколько внутри Церкви действительно идет вот такой нормальный процесс

обсуждения, нормальный процесс какого-то взаимодействия по поводу вообще жизни и тех вызовов, которые современное общество и современная ситуация ставит перед Церковью?

И.П. Как раз я хотел предложить владыке Даниилу как члену Синода.

Е.Д. Да, я постараюсь ответить в какой-то мере. Во-первых, если мы говорим о том документе Всемирного Русского Собора, то есть этот документ, как многие из нас говорили, что мы в жизни бы этот документ не знали бы даже, что есть какие-то такие... Если какой-то специфический интерес у человека есть, то он следит за такими событиями, он знает. Я бы лично [никогда ни за одним из этих собраний] не следил <...>, и поэтому, когда этот документ вышел в конце марта, тогда здесь тоже не с первых дней, наверное, не 27-го или 28-го, но это буквально, может, 29-го или 30-го марта. И этот документ, именно через уже светские СМИ стало известно, что предпринят некий такой «Наказ», о котором тогда вдруг все заговорили.

В плане, действительно, нашей готовности сразу ответить, рассмотреть и изучать эти документы – такой готовности, понятно, не было. И как и в министерстве, я сказал, что этот документ в нашу канцелярию, церковную канцелярию, никаким образом не попадает. То есть ни со стороны этого общественно-политического органа, ни по церковным каналам, то есть мы об этом не знаем. Потом, когда вышел, у нас тоже какое-то собрание было, и мы под вечер уже просто поняли, что мы должны что-то срочно по поводу этого документа все-таки сказать. И поэтому некое такое синодальное решение, если задним числом смотреть спокойно и трезво, оно такое сыроватое, но мы все-таки старались – 2-го апреля <...> этот документ мы тогда все-таки выставили. Потом этот документ (тоже я о чем говорил), что у нас на приходских собраниях, когда спрашивали какую-то позицию церковную, тогда как раз этот документ⁷ был одним из тех решений, на которое мы как-то опирались. Сказали, что мы согласны с этой позицией (приходы говорили, что мы согласны с этой позицией), мы остаемся, как бы в том статусе видим себя. И вот это такая позиция. Все-таки все приходские собрания, и почти они все проходили. Мы избирали на этих приходских собраниях как раз, если я не ошибаюсь, делегатов на Церковный Собор. Поэтому можно сказать, что этот документ все-таки по всем приходам, по приходским собраниям был озвучен, и люди об этом знали. Так что можно сказать, что все-таки это позиция всей Церкви.

⁷ Обращение Синода от 02.04.2024 г.

И.Ф. Краткая ремарка. Я прошу прощения, но, дорогие мои, ну давайте правде смотреть в лицо. Слушайте, церковная организация, монастыри, я не знаю, церкви, прежде всего, они должны молиться. А это тоже время занимает. Ну у вас маленькое молитвенное правило, а у нас... слушайте, я не всегда успеваю вычитать то, что обязана, а как осуществлять эту свою богослужебную деятельность, еще наваливая на себя вот этот колоссальный, какой-то неподъемный груз каждодневного объяснения с государством. А это машина – слушайте, это очень мощный противник. Вся полнота власти у них. Ну в принципе – вот что хотят, то и сделают. Поэтому, ну вы немножко... я вас понимаю прекрасно, но мне кажется, это перебор.

И.П. Матушка, я с Вами редко, но не соглашусь на данный момент. Наталля очень здорово, замечательно проиллюстрировала вот то смущение, которое испытывают очень многие люди, просто не всегда люди умеют так изложить, сформулировать, но это как раз то, что людей волнует и о чем они недоумевают. И я могу к этому вот что добавить, Наталля. Когда очередной раз наш Синод терзали: «Вот заявите что-нибудь политическое, там проявите себя», то наши синодалы составили такое обращение, в котором – да, согласен, весьма обтекаемо, – но если хочешь, опять же, поймешь, о чем речь, и объяснили свою позицию.

Причем, в чем в чем, а вот что касается проблем, из-за которых мы не решаемся жестко формулировать. В насчет этого сказали достаточно конкретно: в Церкви состоят разные люди, разные во всех отношениях, в том числе что касается своих политических взглядов, вкусов, пристрастий. Мы *не можем допустить*, чтобы человек в зависимости от своих политических взглядов, пусть даже это заблуждение, чтобы он из-за этого чувствовал себя второсортным, потому что программным объявлено вот определенное такое мировоззрение, определенная позиция, ну, как это, например, сейчас это происходит в Русской Православной Церкви на территории России. Владыка Евгений сосредоточился на том, чтобы не допустить *ни малейшего повода для раскола на этой почве*, за что и погорел. Потому что властям хотелось от него политических заявлений буквально конкретными теми словами, которые они бы заказали. Он на это не пошел, он *не прогнулся*. Результат мы все знаем. Но, видите ли, это же и есть истинная церковная позиция. Когда, нравится тебе это или не нравится, но ты заботишься о человеке, чтобы он из-за своего заблуждения, *которое ты на данный момент исправить не можешь*, чтобы из-за этого своего заблуждения действительно не отпал, не впал в соблазн и не отпал от Церкви. Это серьезная проблема, и это пастырская задача нас всех. И я скажу со своей стороны, это страшная нагрузка

на психику, когда ты видишь человека, «зетанутого на всю голову», но... не можешь ему помочь. И ты чувствуешь свою ответственность за него, потому что это – твоя паства.

И ты не можешь выбирать: вот этот мне нравится, этот не нравится, этого пасти буду, а этот – «не моя овца». Это «словесные овцы»⁸. Но у него могут быть свои мысли и могут быть свои заблуждения. И это очень больно, особенно тогда (я уж пожалуйсь) это очень больно, когда это происходит с очень близким тебе человеком, которого ты очень любишь и которого ты знаешь, как очень хорошего человека, и когда у тебя просто крыша едет от того, что ты просто не понимаешь: ну как?!.. Вот как одно с другим может сочетаться? И вот это – серьезная пастырская проблема. И владыка Евгений ни на миллиметр не сошел вот с этой принципиальной позиции. <...> Он – исповедник, <...> потому что <...> пострадал за то, что последовательно придерживался той позиции, которую считал истинно пастырской, и не погрешил против своей совести. <...> Могу больше сказать: я с владыкой Евгением в этом плане не согласен. Я считаю, что все-таки надо было жестче заявлять определенную позицию, но он поступил по своей совести пастырской, и в этом я целиком на его стороне. Это очень важно, когда человек поступает по своей совести во всех вопросах веры, в частности, в вопросах пастырского окормления, даже если он в чем-то, может быть, и ошибается, но это по совести. И это правильно. Вот, не знаю, если ответил вам.

Н.М. Я думаю, что здесь есть 2 важных проблемы, не затронутых в дискуссии или частично затронутых. Это первое: в какой степени Церковь вообще несет ответственность за политические взгляды своих прихожан? Потому что политики имманентно подозревают, что Церковь формирует эти взгляды, проводит определенную линию и всё прочее, хотя многие, так сказать, выбирают Церковь по себе, исходя из каких-то своих политических представлений. И второй вопрос, вторая парадигма – это вопрос в принципе ответственности человека за выбор... некий частный выбор, сделанный не им, но связанный с ним теми или иными путями. Самый простой здесь вариант – это президент твоей страны, которого ты выбираешь и который дальше начинает делать заявления или поступки, на которые ты не подписывался, ты его выбирал для другого. И ты не можешь при своем выборе заранее предсказать всё: и его слова, поступки, действия и изменения политической ситуации, изменения вообще хода событий и каких-то вещей, на которые он будет как-то реагировать. Но при этом ты, избрав президента, остаешься гражданином этой страны, например, и, осуждая его или

⁸ Свт. Иоанн Златоуст образно называет христиан «словесными овцами Христовыми», противопоставляя их «бессловесным» овцам – животным.

не осуждая, или имея на сей счет много разных мнений, ты не можешь отказаться от гражданства этой страны по требованию первого случайного человека. Возможны дискуссии на тему конкретных заявлений по конкретным поводам, но, например, сдать паспорт из-за того, что президент несет это самое, то ответ самый простой: он сменится рано или поздно, а страна-то – нет. Твоя связь с гражданством определенной страны – это для тебя важно, и страна может поменяться в результате, не важно, но страна имеет самостоятельную ценность.

И в этом плане, мне кажется, важно в плане ставропигиальности и всего прочего, это ставропигиальность с Патриархом *Московским*, а не с Патриархом *Кириллом*. То есть Патриарх рано или поздно как глава Церкви сменится, а связи, которые существуют, в том числе ставропигиальный статус, он связан с *должностью* Патриарха. Вот вас раньше устраивал, условно говоря, чем-то патриарх Алексей II, который, считается, был лучше, чем нынешний, но у вас же не было тогда претензий? У вас претензии к конкретному персонажу. Да, сменить его невозможно, но рано или поздно этот процесс кончится, будет другая история.

<...>

Н.В. Я думаю, что в данной аудитории, по крайней мере, никто не сомневается в том, что определенные меры, которые собираются принять, или о которых объявляется, или угроза которых есть, они не соответствуют стандартам норм прав человека. Их можно будет оспаривать разным образом и так далее. В принципе, это факт, но дискуссию можно даже не начинать, потому что, я думаю, все согласятся с этим. Но поэтому мне кажется, что вот самое такое ценное для нас, что могло бы быть в нашей дискуссии, – это именно понимание себя и своих действий. То есть не то, как мы будем противостоять государству, или право оно или нет, или как оно нас обижает или хотело бы обидеть. А все-таки как бы перейти к этому вопросу: кто мы и что мы сами можем как церковное сообщество делать и сделать. Потому что заявленная тема конференции была, в том числе, о единстве. Например, о шансах на единство эстонского православия.

А этот вопрос, мне кажется, кроме как в докладе отца Фомы, эта перспектива, мне кажется, недостаточно прозвучала. И я бы хотела спросить всех присутствующих из Эстонской Православной Церкви: как видят люди этот процесс, на чем он должен основываться, с чего начинаться и так далее.

И.П. Знаете, Вы опередили меня. Я как раз хотел сейчас предложить (ну, конечно, никто не обязан высказываться), но я хотел предложить высказаться всем участникам круглого стола по очереди. Так, нет возражений? Давайте начнем тогда с Сергея Николаевича.

И.Б. Да, может, Сергею Николаевичу будет проще. Сергей Николаевич, дело в том, что вопросы есть. И потом Вы сможете [выразить] какое-то свое общее мнение. Пришел через Интернет вопрос Сергею Чуркину: «Озвученное в Вашем докладе решение ЕСПЧ о недопустимости принуждения верующих к изменению подчиненности выставляет решения правительства и парламента явно противозаконными. Как Вам кажется, можно ли быть уверенным, что, обнаружив эту информацию, можно было бы в значительной степени изменить настрой власть предержащих и направить их пыл в более конструктивном и кооперативном с Церковью направлении?»

Сергей Чуркин (С.Ч.). Вот на самом деле сегодня уже прозвучали доклады о том, что, к сожалению, решение Европейского суда, из-за продолжительности процесса в нем, перекадываются уже на плечи другого правительства, чем то, которое принимает эти решения. И в силу этого тогда вполне возможен прагматичный подход властей к тому, что «мы сейчас эти решения примем, проведем в жизнь, а потом, если вдруг Европейский суд по правам человека решит что-то другое, выплатим компенсацию. Но мы свои политические цели достигнем». Поэтому, конечно, это подспорье большое для того, чтобы проводить общественные разъяснения в широком плане, но, в то же время, это еще не гарантия того, что можно получить тот результат, на который мы рассчитываем.

<...>

И.Б. Вопрос к епископу Даниилу: «Считаете ли Вы, что в основе разрыва общения между Московским и Константинопольским Патриархатами догматические различия, или он обусловлен дипломатическим конфликтом?»

Е.Д. <...> Как Наталля Василевич сказала, что мы все – члены Православной Церкви, которую в Символе веры называем Единой, Святой, Соборной и Апостольской, и в этом плане нет никаких догматических разногласий. В каком-то каноническом плане могут у нас быть разногласия, и чисто таком, как мы и в своем ответе Эстонской Апостольской Православной Церкви старались указать, – не то, что мы сейчас говорили об имуществе, только об имуществе. Мы указали, что вот эти договоренности (Цюрихские), что они все-таки являлись некой такой основой Патриархатов; и мы, как часть, автономная часть, и здесь, и там. Если эти пункты не все выполнены, осталось некоторое недоверие. Что если что-то удобно, мы выполняем, что-то неудобно, мы не выполняем. То есть это вызывает недоверие. И на этом недоверии сложно строить какие-нибудь такие следующие шаги.

Ну и подобное здесь у отца Иоанна тоже была такая тема, которую он озвучил, что живет Церковь в своем статусе, понимая, что этот статус как раз сейчас уже не временный, а постоянный статус; и вдруг этот статус ни с того ни с сего меняется. Это вопрос некоего такого доверия; и в нашем ответе и была такая основная мысль, что доверие где-то мы утратили. Давайте мы вернемся к тем дням, к этим событиям, когда у нас это доверие утратилось, и будем оттуда снова искать взаимного понимания, взаимного доверия и взаимного пути. И, отвечая, может, поскольку у меня микрофон, Наталле по поводу нашей конференции и наших сегодняшних тем: в чем мы видим, что, во-первых, сама эта конференция была задумана как конференция, где принимают участие и представители власти – отец Игорь зачитал некие такие выдержки, цитаты со стороны представителей власти. Также мы приглашали сюда и представителей глав конфессий Совета Церквей, и Эстонской Апостольской Православной Церкви, то есть это тоже было задумано как некая такая платформа, где мы можем высказывать какие-то свои взгляды, которые, ну, они будут разные, и сегодня тоже. Пускай у нас не было таких острых споров, но взгляды, воззрения были разные, и мы их высказывали, мы задумываемся над этими воззрениями, которые, может, и не мои и не совсем соответствуют моим пониманиям. Но вот это как раз и было задумано как какая-то среда, платформа, откуда мы уже дальше понимаем, что в наших умах, что в умах наших, скажем, братьев или оппонентов, как бы мы их ни называли, и отсюда тогда мы можем дальше двигаться и идти по такому пути, который ищет единства.

И.П. Сергей Николаевич, Вы на тот вопрос-то не ответили, который Наталля поставила. Если хотите, конечно.

<...>

Н.В. Вопрос такой: двигаемся ли мы сейчас по направлению к единству Православной Церкви в Эстонии? Если да, то как?

С.Ч. С моей точки зрения, то есть когда мы инициировали проведение этой конференции, то из заголовка, на самом деле, так оно и выглядит, что хотелось бы именно это и обсудить. К сожалению, так волей судьбы мне пришлось быть на секции второй, которая не обсуждала этот вопрос, но, судя из доклада владыки Даниила, там все-таки эти темы прозвучали, и мне представляется, что определенный прогресс в этом направлении есть. Но, с другой стороны, хотелось бы все-таки, чтобы, может, мы здесь на круглом столе на этот счет тоже высказались. И можно сказать, что Вы сняли с моего языка то, что я бы хотел сказать, ведь я хотел тоже к этому вопросу поближе вернуться. Потому что, с

моей точки зрения, как говорил иподиакон Николай Тон о том, что последнее время то, что каждое национальное государство, и Николай Митрохин тоже говорил о том, что каждое национальное государство опять хочет себе иметь национальную Церковь. И в этом плане Эстонское государство, я так понимаю, что ничем не отличается от других, таких же государств, которые в Восточной Европе освободились от коммунистических режимов и которые восстанавливают свою национальную целостность, независимость, и, соответственно, хотели бы иметь единое мнение, мировоззрение у своего народа.

Здесь, конечно, вступают в противоречие проблемы и с национальными другими меньшинствами, но в любом случае такое вот прослеживается желание: все унифицировать и сделать единым. И в этом смысле мне представляется, что тема этой конференции как раз и направлена была бы на то, чтобы: а как можно было бы сделать так, чтобы Православная Церковь в Эстонии стала, можно сказать, субъектом, а не объектом всяких разных поползновений со стороны государства, со стороны других конфессий, из-за рубежа. С тем, чтобы избежать той ситуации, в которой сейчас оказалась Эстонская Православная Церковь Московского Патриархата, которую, как Яна Тоом сказала, подозревают в том, что она – «пятая колонна» здесь, в Эстонии, как «угроза национальной безопасности». И мне представляется, что, если такую цель бы поставить: чтобы создать единую [Церковь] и восстановить этот раскол, который у нас произошел в 90-е годы, то, наверное, это задача, исходя из того, что все мы во Христе и все должны, именно должны, по завету Христа любить друг друга. Исходя из этой позиции, мы должны искать пути к тому, чтобы найти возможности создать единую Церковь, а именно, получается, Автокефальную Церковь. Я понимаю, что для духовенства (наверное, для меня это довольно трудно), для духовенства, для епископата довольно сложно сейчас это все принять, потому что та позиция государства, которая сейчас возникла у нас в Эстонии, она всколыхнула те старые раны, то есть открыла те старые раны, которые вроде бы как зарубцевались между нашими Церквями, то есть я имею в виду Эстонскую Апостольскую Православную Церковь и Эстонскую Православную Церковь Московского Патриархата.

Всколыхнула, да, на самом деле, но, по крайней мере, не до той степени, о которой рассказывал нам Сергей Бортник из Украины, когда я его спросил о том, а вообще, как они видят эту перспективу, возможно ли какое-то единение? Он сказал, что сейчас нам хотя бы прекратить насильственные действия на Украине, хотя бы создать условия для мирного существования наших Церквей. А ведь мы

в 90-х годах были примерно в такой же ситуации и были случаи захвата церквей⁹, но потом все это выровнялось. То есть мы, в принципе, впереди на один шаг по сравнению с ними, потому что он сказал о том, что вот, когда мы могли бы мирно существовать, может быть, мы тогда бы и задумались о том, как можно было бы две ветви, которые у нас образовались (как он их называл, обе канонические), объединить в одну Церковь. Поскольку мы здесь впереди, я так думаю, что, может, мы могли бы и продвинуться дальше. И вот сегодня, конечно, прозвучало, особенно на нашей секции, прозвучало то, что государство не имеет права заставлять нас идти по этому пути. Но мне представляется, что мы должны созреть, внутри нас это желание должно созреть. И мне кажется, что сегодняшняя конференция помогает понять, какие проблемы у нас на этом пути есть для того, чтобы у нас внутри самих создалось это же самое желание, и, если оно создастся, тогда, я думаю, что тот, кто больше любит, тот и должен предпринимать первые действия. Мне это напоминает, я точно не помню, по-моему, это Соломонова притча о том, что когда две женщины спорили о том, чей ребенок, то тогда он сказал, что тяните за руки его, и кто перетянет, того и ребенок. Но после того как одна из женщин отпустила этого ребенка, он сказал, что это ее ребенок, потому что она побоялась за то, что она причинит вред своему ребенку¹⁰. Поэтому, если мы сможем (а мне представляется, что наша Церковь довольно сильная для этого), сможем через ощущение своей силы и правоты предложить приемлемые условия для продолжения процесса восстановления единой Церкви в Эстонии, то это было бы в обществе принято как сильный сигнал.

И правительству, и в данном случае можно конкретно говорить о министре внутренних дел, который, может быть, на самом деле преследует политические цели, о которых говорил Вейко Вихури, то ему было бы трудно противостоять против этой, скажем так, положительной повестки дня, а не защитительной. Я бы даже сказал, что она больше была бы даже наступательная, потому что создание Автокефальной Церкви в Эстонии, оно, в общем-то, и в эстонском обществе, и в эстонских православных кругах в начале 20-го века, оно существовало. И когда

⁹ Имеются в виду принудительные отчуждения Свято-Исидоровского храма в г. Валга и Успенского собора в Тарту (см. напр.: *Балашов Н., прот., Прекуп И., прот.* Мораль и право vs политическая целесообразность? Из истории церковно-государственных отношений в Эстонии // Государство и церковь в СССР и странах Восточной Европы в период политических кризисов второй половины XX века / отв. Ред. Г.Н. Мурашко, А.И. Филимонова. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014 г. С. 100) (*Прим. ред.*)).

¹⁰ Соломон велел разрубить младенца и отдать каждой по половине. Родная мать сразу же согласилась отдать своего ребенка сопернице, лишь бы только он остался жив. Так Соломон выяснил, кто из двух женщин – мать младенца. См.: 3 Цар. 3: 16–27 (*Прим. ред.*)).

дал Константинополь автономию, было и разочарование и если поднять этот вопрос снова, то я думаю, что, как я говорю, это была бы положительная повестка нашей Церкви по сравнению с тем, что мы просто как бы просто защищаемся. Вот если есть возможность обсудить это и какую-то дискуссию на эту тему сейчас устроить, то я был бы очень признателен.

<...>

И.Ф. Если мне помнится, еще при владыке митрополите Корнилии, Царство ему Небесное, этот вопрос разрешался так: местные мирские люди причащаются в Церкви и Константинопольского Патриархата, и в Церкви Московского Патриархата, то есть простых мирских людей эти проблемы не касались, это касалось только духовенства. <...> Есть взаимные претензии, неисполнение каких-то, видимо, обещаний, но, на мой взгляд как монашествующего, в любом случае, если хотите, чтобы разрешилась данная ситуация, надо сделать все возможное для того, чтобы Патриархи встретились, и на этой встрече разъяснились бы все противоречия.

<...>

И.Г. Дорогие, я-то, конечно, наблюдатель со стороны и не могу вмешиваться в, так сказать, проблемы внутренние Эстонии. Я только могу понять, что действительно основная тема – это проблема отношений с государством. По этому поводу я просто хотел бы сказать одно, потому что эти два дня был высказан или запрошен 2–3 раза вопрос о расхождении между Константинопольским Патриархатом и Московским. На каких началах? Есть ли какая-нибудь проблема драматическая? Отнюдь никакой. Но есть одна – экклесиологическая.

<...>

Борьба, буквально борьба, соревнование между Москвой и Константинополем только на базе геополитической и на базе экклесиологической. И в частности, кто, кому предстоит давать автономию или автокефалию. <...> Я говорю, как наблюдатель и с опытом того, что и в Европе тоже терпят, на самом деле. И наши трудности последние тоже связаны с этим. И вопрос в Украине тоже связан с этим: почему Константинополь вдруг признал Украинскую Церковь? Можно сказать? Сам Патриарх Варфоломей почти признался, что он просто хотел отомстить Московскому за то, что он [сорвал] Собор Критский. Он сам в этом буквально признался. И мы так это переживаем – мы очень сильно это ощущаем. Я думаю, в каком-то смысле, что даже эстонская проблема тоже связана с этой

общей проблемой – политической, геополитической. [Неразб.] А вопрос геополитический – это точно. И вопрос первенства, то есть это вопрос интерпретации знаменитого [28-го правила] Халкидонского Собора. Опять нам пишут все: митрополит Стефан, большая статья, Папатомас¹¹ на эту тему пишет и высказывается. И каждый раз, как только у нас проблема, обязательно возвращаемся к этой теме – 28-е правило.

И в каком-то смысле, если могу себе позволить, даже ваша ситуация здесь и ваша проблема – ее тоже можно в каком-то смысле привязать и к этой проблеме. Позволю себе еще одно замечание насчет авторитета вообще в Церкви: кто авторитет? – Собор. Но при каких условиях созывается Собор? Потому что я тоже на нашем опыте – поскольку мы в Архиепископии были относительно свободными и проводили не то что реформы, но то, что другие называют обновленчеством. Например, очень простой: в Литургии или на вечерне, на утрени пропустить одну малую ектению или какую-нибудь молитву для священника. Кто ты такой? Кто ты такой, чтобы тебе позволить пропустить одну малую ектению? Не говоря уже о другом. Я сейчас – член комиссии Московского Межсоборного присутствия. Я очень рад. О всем я сейчас не могу сказать, но могу сказать одно, что с того момента, как я стал членом, уже больше двух лет, 2–3 года, то, о чем идет речь? О том, что полный беспорядок в Русской Церкви. Со стороны предполагается у нас, что там всё едино, всё по уставу, там всё вечерни, всё-всё... Слушайте, я могу точно сказать: там полный беспорядок, и то было бы произнесено другое слово, которое здесь не могу повторить.

Честное слово. Ну и вот, а на более высоком уровне – догматическом, или доктринальном, в какой момент созывается Собор? Именно когда беспорядок! Именно потому, что различные практики. Именно потому, что я пропустил малую ектению или молитву, или не пропустил, и потому, что сейчас делается, например, в Москве в литургической миссии, это соборная работа. Ну вот – это и есть авторитет. И чтобы довести до решения соборного, то надо как раз пройти и разложить все разногласия и все различия и спокойно, честно об этом сказать и разрабатывать. И тогда придем к соборному решению, включая самого Патриарха.

<...>

Н.М. Я, как историк все-таки по базовому образованию, и, так сказать, глядя на процессы, все-таки смотрю на аналоги происходящего. Мы можем говорить о

¹¹ Митр. Григорий (Папатомас).

том, что процесс создания так называемых национальных Православных Церквей был в первую очередь активен в первой половине, даже более того, в основном в 20–30-е годы прошлого века в связи с образованием на осколках империи Османской и Российской национальных государств, правительства которых тогда не очень задумывались о правах человека или о влиянии невыработанных еще общеевропейских законов. То есть это было делом насилия прямого в отношении верующих (опираясь на одни из групп верующих), для которых создание национальной Церкви было интересным приоритетом и абсолютным заминанием прав остальных верующих, для которых это было неприемлемым, пусть даже они составляли большинство, как это было, например, в создании Польской Православной Церкви.

Поэтому в современных условиях достичь чаемого политиками и даже большей частью общества создания единой национальной Церкви при условии того, что есть какая-то автономная часть, автокефальная часть, на самом деле, входящая во Вселенский Патриархат, и какая-то другая, входящая в Московский Патриархат, силой довольно сложно. Этот процесс сейчас имеет массу ограничений прежде всего из общеевропейских структур, и вообще общества стали другими. <...> И что не менее важно, все-таки эти Церкви с достаточно разным устремлением среди верующих рядовых и духовенства, потому что на Вселенский Патриархат в большей степени ориентированы более модернистские проекты, более национально ориентированные проекты церковные. То есть совершенно разная аудитория верующих, совершенно разные типологически священники, и объединить их снова под одной крышей, ну, я бы сказал, что это в первую очередь задача скорее будущих поколений, которые уже, например, переживут тех, кто когда-то находился в острой стадии конфликта. Вот в Украине прямо говорят, что пока у нас острый конфликт, невозможно, а этот конфликт уже воспроизводится в острой фазе второй раз за 30 лет.

И как будут складываться отношения? Украинский кризис показывает, что в Украинской православной церкви Киевского патриархата к 17-му году пришло осознание того, что плавание на том корабле, на котором они тогда плыли, не очень хорошо, и надо договариваться. И собственно, триггером создания ПЦУ стало письмо Филарета Патриарху Московскому (братское письмо) с просьбой, с покаянием и просьбой снять прещение – довольно известная история. Да, после чего, собственно, Порошенко инициировал процесс создания ПЦУ. <...> Ну в общем – да, это там началось, потом в результате [(неразб.) гневного письма Порошенко(?), оно] было отозвано (якобы за две недели не рассмотрели), в общем, началась чехарда, но подобное письмо было. И на самом деле, консенсус

на местном уровне начал уже складываться по моим впечатлениям. Все епископы разделили сферу своей ответственности, начали вырабатываться какие-то предварительные договоренности, как именно, кто с чем останется из епископов, и все прочее. То есть процесс был на слияние. Но государство в лице Порошенко решило, что слияние должно быть на других принципах и основах. Поэтому у меня представление, если мы говорим, так сказать, про объединение, например, РПЦ с РПЦЗ и Архиепископией, это тоже были процессы, связанные, в том числе, с внутренней динамикой среди этих вариантов русского православия; связанные с истощенностью того человеческого и кадрового ресурса, который там был во многом, в РПЦЗ уж точно, и поиском каких-то вариантов сохранения жизнеспособности приходских общин. Поэтому моя позиция такая: оставьте Церкви в покое, перестаньте государством активно вмешиваться в дела для удовлетворения тщеславия очередных политиков или повышения их электоральных шансов (как это было с Порошенко), и как-нибудь Церкви между собой потихоньку на низовом уровне договорятся.

И потом эти решения могут быть оформлены, государство может поддержать идущие снизу инициативы, а не инициированные сверху. И тогда, возможно, будут какие-то, в том числе сложно составленные Церкви, состоящие из разных, например, иерархий, то есть подчиненности приходов разным иерархам, поддерживающие разные варианты православной традиции, даже в рамках национального дискурса; в том числе, например, с точки зрения языка, продолжительности службы, в том числе в какой-то части своего набора святых в конкретном храме и все прочее. Все равно будут такие разделения, будут особенности – они в Русской Православной Церкви сейчас есть в том или ином виде, и, может быть, из этого чего-то выйдет, в том числе в перспективе 30–40 лет впереди.

И.П. Спасибо. Насчет этого письма: я припоминаю, была история с письмом Филарета, точнее, Михаила Денисенко, которое было истолковано как такое обращение покаянное, от чего он очень быстро открестился и, в общем-то, действительно, на мой взгляд, там не было ничего такого покаянного. <...> Я как раз тогда написал на Правмире¹² статью, что Михаилу Денисенко я не верю, и очень скоро выяснилось, что да – типа и не собирался. <...>

Т.Н. Tuleks Eesti olukorra juurde tagasi Ukrainast. Ja mulle tundub, et Eestis juba on uus põlvkond preestreid kasvanud peale. Just see “ostrõi period” või see “terav

¹² Правмир – общественно-социальное интернет-СМИ. См.: <https://www.pravmir.ru/redakciya/> (дата обращения: 19.03.2025).

olukord” oli meil 90ndate alguses. Näiteks meie Kirikus enamuse preestrid ja ka meie piiskopid selles ei osalenud. Meie preestrid ei teagi seda enne kirikulõhet olnud ühist kirikuelu. Nii ka tegelikult Konstantinoopoli poole peal: seal on ainult kolm preestrit jäänud, kes on sellest 90ndate algusest: isa Ardalion, isa Andreas, isa Aivar Sarapik. <...> Nemad on ainult kolm, kes on sellest vanast ajast. Ülejäänud on kõik uus põlvkond.

И.П. Отче, я напомню, что отец Ардалион – он вообще ничего противоканонического не сделал, почему он единственный из всех не попал под запрет.

Т.Н. Я не об этом говорю, я говорю, что то поколение, из тех людей только трое остались; все новые, уже новое поколение, о чем говорю.

И.П. Отче, прости, я чтобы уточнить, потому что отец Ардалион – его нельзя относить к тем, он хотел уйти в Константинополь...

Т.Н. И ушел.

И.П. Да, он ушел в итоге, это его право, его отпустили. Но он совсем, можно сказать, он сам по себе, его не надо причислять к этим людям. Несправедливо это.

Т.Н. Это твое мнение.

И.П. Ну, да. Так я его и высказал.

Т.Н. Он был одним из руководителей этой группы, которая просто попыталась каноническим путем перейти в Константинополь, это так называемая библиотечная группа, но он был руководителем этой группы, так что намерения были у них одинаковые, у него просто шаги были более медленные.

Ma naaseksin meie põhiteema juurde, et otsida ühtsust õigeusus ja mina ikka jään selle seisukoha juurde, et *ühtsuse puudumine on suur patt*. Ja tuletan meelde, et see on kõige esimene meie Kiriku omadustest pühas usutunnistuses: üks, püha, kogulik, apostlik. Näiteks kui meil puuduks apostlike läbitõus, me kohe hoiaksime peast kinni ja hakkaksime mingit lahendust otsima. Me oleme 30 aastat elanud ilma ühtsuset ja ei ole praktiliselt midagi ette võtnud. Ja mina näen selles tegevuses praegu nagu riigipoolses surves ja mis on põhjustatud sõjast ja poliitilistest arvamustest – aga mina näeks selles just Jumala sõrme või väikest näpuviibutust, et võtke end kokku ja hakake seda päris ühtsust justnimelt altpoolt otsima. See on väga oluline Kristuse tunnistamiseks Eestimaal, et õigeusklikud oleksid ühtsed.

Siin oli juttu uuest põlvkonnast. <...> Kui juba lapsed ei mõista seda, miks peab olema kaks patriarhaati ühel territooriumil, aga minu lapselapsed veel vähem saavad sellest aru. Nii et minu soovitus on ikka alustada igal tasemel läbirääkimisi. Ilmalikel puhkudel meil Püha Johannese koolis iga päev erinevad jurisdiktsioonid omavahel suhtlevad. Nii ilmalike, preestrite, piiskoppide vahel, lõpuks ka metropoliitide ja patriarhide vahel peaks see suhtlemine aktiivistuma ja loomulikult ei saa seda teha ilma õnnistuseta. Seepärast veelkord palun õnnistust piiskoppidelt, et preestrite vahel seda suhtlust suurendada. Piiskopid omavahel võiksid... ja samuti metropoliidid. Aitäh!

<...>

Юрист-правозащитник Елена Каржецкая (Е.К.). ...Я хочу повторить то, что многие из присутствующих уже сказали: что объединение не может произойти под давлением, объединение, как защитный шаг или как единственный вариант для продолжения своего существования, не будет иметь те необходимые условия и предпосылки, которые бы давали позитивный результат. Объединение возможно только <...> когда стороны добровольно, осознанно двигаются друг к другу без давления, поэтому говорить об объединении сейчас как о решении проблемы, наверное, не совсем верно. И мы не находимся сейчас в ситуации, когда мы защищаемся или объясняем перед государством. Мы хотим, чтобы нас воспринимали как полноправного участника этого диалога, как полноправного партнера и в том числе оппонента, у которого есть свой голос, у которого есть своя, достаточно четкая, позиция и который готов за свою позицию и свое мнение постоять и ответить.

Мы не говорим о каких-то насильственных действиях или о призыве к чему-то, мы говорим о том, что позиция должна быть услышана и принята во внимание, потому что вероисповедание, существование Церкви, даже продолжение существования Церкви на территории определенного государства – это не вопрос политики, в эти вопросы государство вмешиваться не должно.

<...>

Н.Т. Исходя из опыта Запада, именно Германии, я вам скажу, может быть, на утешение: *возможно жить в разных юрисдикциях параллельно, если царит любовь*. Это мы сделали в Германии, начиная с совместной работы, это было в 94-м году, это еще задолго до основания Епископской конференции. Это возможно. Это было не всегда легко – возникали иногда проблемы, но, в общем, возможно это. Это не цель нашей совместной православной жизни, но это *важно*. И при взаимном понимании, я думаю, мы можем это сделать, это реализовать.

Гораздо сложнее стало, конечно, после 18¹³-го года и [разрыва] канонического и молитвенного общения между Патриархатами Москвы и Константинополя, но и тогда было возможно продолжать. Слава Богу, греческий митрополит Германии знает, [ему] уже 60 лет или больше, в Германию пришел как молодой диакон, он знает ситуацию, он был лично свидетелем развития православия.

Я вам только скажу один пример, я вчера сказал: сегодня в Германии больше 4 миллионов – 4,5 миллиона. В 90-х, в начале 90-х годов было 500 тысяч. Вы видите развитие: когда было от Русской Церкви всего – Зарубежной¹⁴, Московский Патриархат практически не существовал, только на бумаге – было 5 тысяч, может, 10 тысяч, гораздо ниже, наверное. Сегодня мы знаем совершенно другие цифры, даже не говорю о румынах. Очень важно, я в этом отношении считаю, что никакая другая епархия другого Патриархата, другой Поместной Церкви не принимает священников, диаконов, которые убегают из своей епархии, потому что на 90%, если не больше, проблемы не те, о которых они говорят. Это чаще всего проблема с епископом. И они убегают только к другому епископу. И их принятие – это основание конфликтов на десятилетия. Это было в Германии также в 90-е годы, но сейчас, слава Богу, давно, с редкими исключениями, не было. Что можно, даже если это в одной Поместной Церкви, ну три епархии, как я сказал, Русской Церкви в Германии, они имеют разные взгляды, взгляды Зарубежной епархии, Московской епархии и, как мы по-прежнему еще скажем, «Парижской» епархии (Архиепископии), часто разные.

Что касается участия мирян в правлении: разные литургические традиции, особенно между Московским Патриархатом и Зарубежной Церковью. И тоже с недавнего времени политические. Мы все читали интервью владыки Марка, митрополита Берлинского, в Зарубежной церкви, что там другая позиция, но с любовью и с убеждением как фундамент, что мы – одна Церковь, одна Русская Церковь, но вообще одна Православная Церковь. И с греками, даже если константинопольские взгляды – не наши, и претензии к Константинополю мы обсуждаем, **но** все-таки они – одна часть Вселенской Православной Церкви Христовой. И это для меня – фундамент для совместной работы (но работа – неправильное выражение), совместного братства между всеми православными. И из-за того должна быть очень важной наша задача, что такие разделения, такие разногласия не имеют эха среди мирян, что миряне знают (греки, румыны и сербы, и русские, украинцы) – все мы одной Православной Церкви. Это не всегда легко действовать так, но с помощью Святого Духа и наших святых – смотрите,

¹³ 2018 г.

¹⁴ Имеется в виду епархия РПЦЗ.

какое почитание у нас святых и 20-го века: грузинского старца¹⁵, Паисия Афонского и так далее, или Луки Симферопольского. Молитвами их, думаю, мы можем это сделать.

<...>

T.H. Kui tohib, väike kommentaar. Ipodiakon Nikolai Saksamaa vaadete kohta. Siiski tuleb minu arvates rõhutada, et on suur erinevus Saksamaa õigeusu olukorra ja Eestima õigeusu olukorra kohta. Saksamaal on ikkagi õigeusk selgelt diasporaast kasvanud, aga Eestis on, kui Jumal annab, siis varsti tuhat aastat olnud õigeusk. Ja selle tuhande aasta jooksul [970] aastat oli üks kirik, ja ainult 30 aastat on ta kahes osas olnud. Nii et [970] aastat ma arvan, on olulised, et selle vana traditsiooni juurde tagasi minna, et seda ühtsust proovida taastada. Aastal 2030 saab tuhat aastat õigeusust Eestimaal. Aitäh.

<...>

H.B. Владыка Евгений, благословите ли Вы отца Фому продолжать диалог с его братьями из Константинопольской Церкви, Эстонской Апостольской Православной Церкви или нет?

<...>

M.E. Я как раз вот этот вопрос хотел затронуть. Значит, смотрите: ну Христос сказал: «Да будут все едины!» Никто не сомневается в этом. А вот как достичь этого единства? Вот здесь очень хорошо прозвучало, и я полностью согласен с этим термином о том, что когда государство берется за то, чтобы кого-то объединить на христианской почве, нехристианское государство, то ничего хорошего из этого не получится.

Этот вопрос должен созреть именно снизу. Вот когда я только приехал в 18-ом году в Эстонию, меня один из журналистов спросил: «Вот здесь существует в Эстонии две Православные Церкви, две митрополии. А вот Вы что-то сделали для того, чтобы найти какие-то пути к единению?» Я тогда сказал: «Вы знаете, решение принято на уровне Патриархатов, и поэтому мы, как более низшие инстанции, что наша митрополия, что Константинопольская митрополия, – мы здесь не можем решить. Вот когда на уровне Патриархатов что-то созреет, вот тогда, наверное, и будут эти решения воплощены в жизнь». Но то, что владыка Даниил сказал, упоминая как раз Цюрихские соглашения и так далее, то есть у нас обмен письмами состоялся, и вот то, что владыка сказал, как раз мы эти

¹⁵ Имеется в виду прп. Гавриил (Ургебадзе).

вопросы и обсуждали, обсуждали, как войти в диалог с Константинопольской митрополией здесь в Эстонии. И вот отец Игорь подтвердит то, что мы думали, ну какие-то шаги можно сделать и на уровне, может, каких-то конференций, обсуждений, спорных вопросов, и вот как раз эти первые шаги-то уже мы предложили, и что мы получили? «Не пришло время» – это был ответ с той стороны. Теперь, когда мы получили приглашение на эту конференцию (ведь мы же тоже приглашенные)¹⁶, мы согласились, и, когда узнали о том, что будут приглашены представители власти и <...> сам митрополит Стефан будет приглашен, вот думали, что вот как раз – это та площадка, тот круглый стол, где мы можем какие-то моменты обсудить.

Конечно, я думаю, что все уверены в том, что мы за этим круглым столом не могли прийти к какому-то единству, к каким-то общим решениям, но какой-то шаг, наверное, должен был быть сделан, по крайней мере, к доверию, по крайней мере, к постановке каких-то вопросов, которые нам нужно в дальнейшем обсудить, сделать следующие шаги. И что мы видим?.. Игнорирование вот этой конференции. Поэтому сейчас вот так можно заочно сказать представителям средств массовой информации: *мы готовы*, участвуя вот на этой площадке в сегодняшней конференции, *мы готовы были к диалогу*. А то получается, что со стороны Константинопольской митрополии были выбросы в средства массовой информации, нас обвиняли в том, в том, в том, а в результате представлено дело так, что протягивают нам руку помощи – «вот ведь с государством у вас есть проблемы, а давайте-ка – мы вот и принимаем решение». Мы ответили, что то решение, которое принимается, оно для нас неприемлемо. Ну давайте сядем за круглый стол и обсудим эти вопросы. Я ответил на ваш вопрос или нет? Ну, косвенно, конечно: может отец Фома входить в какие-то контакты – я думаю, может. Почему бы нет? В этом ничего нет такого противоречивого. Вот это мои такие соображения, исходя из того, что я услышал в эту сегодняшнюю дискуссию.

И.П. Спаси, Господи, владыка! Владыка, а благословите, я зачитаю тот рапорт, который я Вам направил по Вашему запросу о попытках с нашей стороны налаживания отношений, в котором я перечислил эти попытки.

М.Е. Да, пожалуйста, конечно!

И.П. <...>

¹⁶ Организатором конференции является Александровское братство, а представители ЭПЦ МП – такие же приглашенные участники, как и представители других конфессий, докладчики и гости.

Я могу сообщить только о четырех эпизодах, в которых лично участвовал, поскольку не владею информацией о других примерах, если таковые были.

1. Первый известный мне опыт сотрудничества представителей ЭПЦ МП и ЭАПЦ состоялся 05.04.2005 г. в рамках совещания своего рода сектора «дореформационных Церквей» СЦЭ (согласно остроумному выражению Йоосепа Таммо) по вопросу преподавания религиоведения в светских школах. Во встрече участвовали от РКЦ еп. Филипп Журдан, от Армяно-Грегорианской церкви – священник Гарник и его помощник Армен Андраникян, от ЭАПЦ – священники Андреас Пыльд и Маттиас Палли, от ЭПЦ МП – свящ. Игорь Прекуп. Встреча была доброжелательной и творческой. Были продуманы основы культуросообразного преподавания религиоведения. Забрехала перспектива плодотворного сотрудничества и создания новой альтернативной платформы преподавания религиоведения, соответствующей православной культурной традиции как в русских, так и в эстонских школах, в зависимости от выбора родителей. Но это начинание показалось митр. Стефану неблагонадежным. Он ратовал за конфессиональное обучение, а культуросообразный подход рассматривал как нечто непригодное, поэтому (или по каким-то еще причинам) он запретил своим священникам продолжать это сотрудничество. Со стороны митр. Стефана это была ошибка, сорвавшая исключительно важное начинание, ценное не только для нашего общения, но для преподавания в светской школе религиоведения на православной культурной почве.
2. Следующая встреча представителей ЭПЦ МП и ЭАПЦ состоялась 06.09.2007 г. в помещении Совета Церквей Эстонии по адресу: Tehnika 115. Со стороны ЭАПЦ участвовали прот. Маттиас Палли, прот. Рафаил Хинрикус и архидиакон Иустиниус Кивилоо (нынешний экзарх Константинопольского Патриархата в Литве). С нашей стороны участвовали прот. Ювеналий Каарма, прот. Игорь Прекуп и свящ. Виталий Гаврилов. С ходом дискуссии, тезисами сторон и выводами Вы можете ознакомиться из моего рапорта на имя Высокопреосвященного митрополита Корнилия от 20.09.2007 г. (см. Приложение 1). Наши предложения были проигнорированы. Оппоненты сводили разговор к требованиям сослужения и признания автономии ЭАПЦ Московским Патриархатом, обещая в обмен пересмотреть положения в договоре с МВД и позволить государству передать нам наше же имущество в собственность.

Уточню: я предложил нашим братьям из ЭАПЦ тогда как-то двигаться друг к другу навстречу и, может быть, подготовить совместное сообщение, покаянное сообщение, в котором мы бы признавали, что все мы согрешили, все мы ошибались, все мы допускали, быть может, порой неприглядные поступки (с обеих сторон это было), и мы о них сожалеем. И вот... ну, конкретно можно было бы перечислить, притом, чтобы сначала мы встретились между собой, обсудили, высказали друг другу в глаза претензии, приняли бы то, что по делу, и вот это все

открыто признали. Вот мы согрешили тем-то, мы тем-то согрешили. И вот это предложение, собственно, было передано дальше наверх. Ни гу-гу в ответ.

3. Другая попытка была предпринята с моей стороны (по согласованию с митр. Корнилием) в 2009 г. Я встретился с прот. Ардалионом Кескюла (член правления ЭАПЦ) и предложил, не дожидаясь, пока изменятся обстоятельства, препятствующие установлению полноценного евхаристического общения, начать предпринимать возможные шаги навстречу, сотрудничая, например, в области церковно-исторических исследований на уровне духовенства и мирян. Он обещал обсудить это со своим правящим архиереем – еп. Александром (Хоперским). Спустя некоторое время о. Ардалион мне сообщил, что вл. Александр не благословил предложенное сотрудничество, сославшись на мое якобы враждебное в отношении ЭАПЦ выступление на состоявшемся 02.09.2009 г. заседании СЦЭ, посвященном приему делегации РКЦ. На самом же деле, ничего враждебного мое выступление не содержало. Я всего лишь вкратце ознакомил высоких гостей с положением ЭПЦ МП (см. Приложение 2).
4. В конце 2024 г. была с нашей стороны предпринята еще одна попытка в том же направлении. Поводом послужила досадная ошибка журналиста „Postimees“ Аймара Алтосаара, ошибочно передавшего в своей статье от 21.10.2023 г. „Keda teenib Vene kirik Eestis?“ («Кому служит Русская церковь в Эстонии?») слова прот. Маттиаса Палли о чтении «молитвы о Святой Руси», как если бы она читалась и в храмах ЭПЦ МП. Вскоре было сделано опровержение, но стало ясно, что с митр. Стефаном необходимо обсудить сложившуюся ситуацию и договориться хотя бы о приемлемых методах полемики. Чтобы подготовить Вашу встречу с митр. Стефаном, Вы благословили мне встретиться с о. Маттиасом, а заодно разрешили мне обсудить с ним возможности начала сближения на низовом уровне, ради формирования взаимопонимания между нашими сообществами, чтобы к тому времени, когда между Патриархатами будет восстановлено общение, между духовенством и мирянами ЭПЦ МП и ЭАПЦ уже было бы налажено сотрудничество в тех областях, в которых это взаимоприемлемо (например, той же исторической области).

Во время встречи, о. Маттиас внимательно выслушал мои предложения и обещал передать их на рассмотрение своему Предстоятелю. Относительно возможности «встречи в верхах» он высказал предположение, что она, вероятно, состоится после Крещения Господня по юлианскому календарю. Однако 15.01.2024 г. он прислал мне письмо, в котором сообщалось, что митр. Стефан, безусловно, признает необходимыми отношения с ЭПЦ МП, но «в данное время, учитывая общеизвестные обстоятельства, не считает уместным и разумным встретиться с Высокопреосвященным Евгением». При этом он поблагодарил меня за доброе начинание и высказал надежду, что, когда изменятся обстоятельства, сможем, будь то на архиерейском или на каком-либо ином уровне, наметить пути исправления отношений. Случайно или нет, но,

спустя несколько дней, 18.01.2024 г. Вам пришло уведомление от ДПП о намерении не продлевать Ваш ВНЖ.

<...>

Е.Д. Хотелось бы под конец сказать цитату. Сперва президент был Леннарт Мери, который сказал: «Olukord on suurepärane, kuid mitte lootusetu». Это действительно такое оптимистичное высказывание, и, я думаю, что каждому из нас вчерашняя и сегодняшняя конференция дала много.

Много поводов для размышлений, много таких моментов, с которыми мы действительно задумаемся над словом «единство», и какие будут шаги, как они будут делаться? Действительно, хочется надеяться, чтобы эти шаги были сделаны именно со стороны двух церковных структур Эстонии; и между ними какое-то взаимопонимание начиналось, и тогда уже с Божьей помощью этот процесс может продвигаться дальше. А сейчас, в этой ситуации, да, очень сложно: «Насильно мил не будешь», как на русском языке говорят, вот сейчас тоже это насилие, чтобы быть милым друг другу, это такая очень спорная позиция. Достигнет ли она результата?